

Следующей зимой

Кейт Рона

Все думают, что у меня нет проблем: ни с учебкой, ни с отношениями (потому что нет самих отношений), ни с семьей. Я думаю, что у кого и нет проблем, так это у Звягинцева. Осенью всё началось. Случилось что-то более важное, чем я могла представить. Чем он того хотел. Но все ошибались — у меня полно проблем. И зимой всё закончилось...

«Сегодня точно 1 сентября? Я погулила, но что-то не доверяю интернету». Это сообщение вырвало меня из лап сна раньше, чем сработал будильник. Я смеюсь. День знаний для Маши не был желанным событием. Если бы я так развлекалась летом, мне бы тоже не хотелось возвращаться к суровым студенческим будням. А судя по инстаграму, подруга использовала каникулы по максимуму.

«Что мне надеть? Гугл не помогает!» Мари в своем репертуаре. Я бросила взгляд на свои заранее приготовленные клетчатые брюки и белую футболку — прилежнейшая студентка и староста группы во всей красе.

— Али-и-и-ис! — раздался мамин крик.

«Заедешь?» — не хочу напрашиваться, но сегодня поездка на маршрутке не вызывает во мне восторга. Как и в любой другой день, но сегодня особенно. Маша нечасто меня подвозила — ведь придется ехать через весь город, потом возвращаться в центр, это бы заняло, наверное, не меньше полутора часов. Так что я не жаловалась.

«Сори, машина в ремонте, еду с Ел Ол(((».

— Али-и-иса-а-а! — еще громче заворчала мама.

— Иду!

«Ок. Сочувствую!» — отправляю и понимаю, что времени совсем в обрез, раз я еду на великом изобретении человечества... для пыток.

Уплетая на ходу остатки бутерброда, несусь к остановке. Всю неделю до этого погода «радовала» дождями и пронизывающим ветром, сегодня же теплое солнышко с самого утра задавало бодрый настрой. Доехала намного раньше, чем планировала. Зашла в деканат, взяла расписание университетских мероприятий на год — как обычно, на сайте оно появится не раньше следующей недели. Иногда мелькала мысль предложить свою помощь, потому что расторопность ассистентов оставляла желать лучшего. Но сдерживалась, в конце концов, люди за это деньги получают.

До приветственного слова ректора еще около получаса. Маша где-то в пути, а Злата даже не отписывалась в наш чат. В чате группы же, как обычно, только вопросы: когда, где, что нужно принести? Как будто я не и не закрепляла сообщение со всей информацией.

Не знаю, куда себя деть. Ожидание убивает, даже музыка и очередная мобильная игра «убийца времени» не могли меня отвлечь. Мимо проскочила Аня Пирожкова, староста второй группы. Я махнула ей в надежде, что она составит компанию, но та, похоже, очень спешила.

Вообще-то народ уже прибывал, но из своих никого не заметила. Я подняла повыше табличку с номером группы, может, кто-то из моих просто не заметил меня?

— Привет! Никого еще? — Руслан Кашин, староста третьей группы, подошел ко мне, размахивая штендером с названием факультета и номером группы.

— Привет. Как видишь, — пожала я плечами. Он понимающе кивнул — мои одноклассники славились слабой дисциплиной и несобранностью.

— А мои уже почти все тут, сейчас должны подойти.

Университетский стадион потихоньку начинал кипеть. Я заметила, что вторая группа уже на месте, Аня что-то им вещала, яро жестикулируя.

«Почему я все еще не лицезрею ваши бандитские морды?» — отправила в чат группы,

который так и назывался — «Алиса и бандиты». В том году мы участвовали в университетском квизе, все придумали название и девиз заранее, мы же, как всегда, импровизировали. В чьей «светлой» голове возникло то название, уже никто не помнит.

«Я опоздаю чуток!», «Да еду!», Буду минут через 15»... Нисколько в вас не сомневалась, ребятки. Эмоджи с закатившимися глазами — самый востребованный у меня.

Подняв глаза от телефона, увидела направляющуюся ко мне Злату Кошелеву. Она училась на юриста, дружила с Машей с самого детства. На первом курсе Маша Фомичева стала общаться со мной, и вроде как теперь мы дружим втроем. Хотя иногда мне казалось, что Злата меня просто великодушно терпит.

— Привет! — она потянулась ко мне и быстро чмокнула в щеку. Я даже не успела среагировать в ответ, как она уже отстранилась.

— Мари еще не прикатила? — достав из сумочки зеркальце, Злата внимательно себя осмотрела, поправила и так идеальный контур своей любимой сливовой помады, переложила выбившуюся темную прядку.

— Где-то в дороге с Ел Ол.

Кошелева хмыкнула. Ел Ол — точнее, Елена Олеговна — мачеха Машки. В общем-то приятная женщина, но Маша ее не особо жаловала.

— Мало Мари было месяца с ней и сыночком на Бали, еще и здесь спасу нет!

— Петька тоже там был?

— Ну!

Хм, Маша его не упоминала. Хотя, конечно, всё ее внимание на райском острове занимал «Павлик из Питера», как она его называла. Не до «братца» было.

— Вечером в «Рокки»?

— Конечно, — я кивнула.

— Ладно, вернусь к своим.

В итоге моя группа собралась за пару минут до начала. Маша заявила не в настроении, видимо, из-за Ел Ол. Ректор вещал что-то про крутость учиться в нашем офигенно супер-пуперском вузе. Слова, конечно, он подобрал другие, но смысл именно такой. Поговаривали, что из года в год его речь почти не меняется. Но на первом курсе я так волновалась, что ничего не запомнила.

— Где Злата? — Маша осматривала тянувшихся к выходу со стадиона студентов и непрерывно здоровалась чуть ли не с каждым вторым.

— Вот она! — я указала на другую сторону этого живого потока людей.

— Го-о-олди! — прокричала Фомичева и рассмеялась. В ответ Злата послала самый укоризненный взгляд — терпеть не может такую вариацию своего имени.

— Нарываешься! — пробравшись к нам, проворчала подруга и толкнула Машу плечом.

— Мари! Сколько лет, сколько зим! Помню тебя еще совсем крошкой! — следом за Златой вынырнули ее приятели. Вернее, общие друзья Златы и Маши: с Захаром Петровым девочки учились в одном классе, а сейчас они вместе с Кошелевой на юридическом. Родители Артема Звягинцева дружили с Машиными родителями, Шварц (его имени я не помнила) постоянно зависал с Артёмом, четвертого парня я знала визуально, но ни имя, ни фамилия не были мне известны.

— Всего две недели не виделась, Звягинцев! — Маша закатила глаза. — И еще бы столько же!

— Каждый день без тебя — словно вечность! — фирменная улыбка расплылась на его

лице, и он театрально прижал руки к сердцу. Машка фыркнула.

— В «Малибу» идете? — Захар перевел взгляд с одной моей подруги на другую.

— Не, мы в «Рокки», — Злата сложила руки на левом плече Шварца. Я узнала этот взгляд Кошелевой — он означал «детка, я тут подумала, что ты в моем вкусе». Что ж, я могла ее понять — парень хорошо поработал над собой в спортзале, если раньше он просто был крупным, то теперь ясно просматривались рельефы. И он наконец обрезал свои неопрятные светлые патлы, оставив совсем короткий ежик. Я не люблю очень короткие волосы на парнях, но надо признать, что Шварцу определенно так было лучше. — Хотите с нами?

Шварц уставился на Злату.

— Да ладно, что там делать? — пробубнил Петров.

— Приходи и увидишь, — сладко пропела Злата.

— Настаиваешь? — уточнил Шварц.

— Может, вам сразу в отель? — оторвавшись от телефона, спросил четвертый — блондин с крупноватыми чертами на худом лице. Мне он казался немного неприятным. Но, думаю, девчонки на него ведутся, уж больно ярко он был одет — его нельзя не заметить.

— И нам тоже, да, Мари? — Артём не сводил с нее глаз, но при этом хитро-хитро улыбался.

Я так и не разгадала, что между ними. Учítывая, что лицезреть их взаимодействие мне доводилось нечасто. Помню, поначалу решила, что они встречаются, но за прошлый год Звягинцев встречался минимум с двумя девушками, ни одна из которых, конечно, не была Машей. Он постоянно подначивал подругу и периодически объявлял о своей «безграничной любви», часто комментировал ее фото в инстаграме. Иногда мне казалось, что она всё же ему нравится, но почему он не предпринимает более активных действий — для меня загадка. А иногда было ощущение, что это нечто вроде братской любви, и издевается он прям породственному, учítывая, сколько они знают друг друга.

Маша же порой подыгрывала ему, но чаще крутила пальцем у виска и говорила, как он ее задолбал.

Одно было ясно — встречаться друг с другом они пока не собирались.

Я окинула взглядом всю компанию. Злата всюю строила глазки Шварцу, обещая, что он не пожалеет, если пойдет в «Рокки». Машка увещевала Захара повлиять на Звягинцева, чтобы он уже отвязался от нее. Звягинцев обещал, что та умрет от скуки без него. Захар просил обоих отстать. Четвертый парень — я безуспешно пыталась вспомнить, как же его зовут, — зависал в телефоне.

Всегда было странно осознавать, как много у Фомичевой и Кошелевой в университете знакомых. Наш вуз был одним из лучших в городе — поэтому неудивительно, что детки с деньгами часто выбирали его. Да и я выбрала по той же причине. Просто из кожи вон лезла, чтобы попасть на бюджет, контракт мои родители бы не потянули.

Из моих же знакомых здесь учились лишь несколько человек из параллели, и я с ними даже никогда не общалась.

Я переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда же им всем надоест и можно будет уже пойти домой.

— Ну всё, договорились? В «Малибу»? — я встрепенулась, услышав это от Звягинцева.

— Не договорились! — Маша сложила руки на груди.

— Да почему?!

— Потому что! — Маша покосилась на меня. А мне захотелось провалиться сквозь

землю. В «Рокки» мы шли из-за меня, их цены были для меня приемлемы, в отличие от того же «Малибу». Иногда меня мучила совесть, что девочкам приходится подстраиваться, но Маша уверяла, что ее не напрягает и всё отлично.

Звягинцев первый раз за сегодня посмотрел в мою сторону, уловив Машин взгляд. В его глазах вспыхнуло удивление — будто только сейчас понял, что, помимо Маши, Златы и их четверых, тут есть еще кто-то.

Я сглотнула. Раздражает, что с первой встречи запала на его веснушки. И лучистый взгляд карих глаз. И лисью хитрую улыбку. И эти чертовы длинные рыжие волосы. Никогда не нравились рыжие ведь!

Нет, я не вздыхала ночами в подушку, мечтая о том, что никогда не случится. Но он всегда привлекал мой взгляд в толпе, учитывая, что занятия его и моего факультетов частенько проходили в одном корпусе.

Его взгляд задержался на мне на целых 10 секунд. А потом вернулся к Маше.

— Хотите, приходите в «Рокки». Не хотите — от горя не помрем, — подытожила Маша. — Пойдем!

Она ухватила меня за руку и зашагала со стадиона. Злата задержалась, но догнала нас возле остановки.

В мой район отсюда ходила только одна маршрутка. И Маша сразу уселась на скамью, понимая, что ожидание не будет коротким.

— Не хочу домой, — протянула она. — Можно, я к тебе? — повернулась к Злате.

— Валяй, — Злата пожала плечами. — А ты?

Это мне вопрос. У Златы я не бывала дома, и мое любопытство требовало согласиться, но мне хотелось переодеться и оставить рюкзак дома. Я покачала головой. Хотя соблазн был велик.

— Как первый день? — мама как раз разливала только что приготовленный суп по тарелкам, когда я переступила порог квартиры. О, как же я проголодалась!

— Отлично!

— Странно!

Одновременно ответили я и моя одиннадцатилетняя сестра.

— Как тебе новый классный руководитель?

— Она крутая! Лучше, чем Ольга Степановна! Она сказала, что это будет самый лучший учебный год!

Мне бы Аришкин энтузиазм. Я не особо внимательно слушала пересказ сестры о событиях этого дня. И как так получилось, что у нее он более насыщенный, чем у меня?

— Ну, что говорил ректор? — это мама дослушала наконец Арину, и наступила моя очередь.

— Да ничего конкретного, так, стандартная вода о том, как нам повезло.

Странно, я спокойно относилась к приближению Дня знаний, не ожидала чего-то невероятного, но и не страдала из-за окончания каникул. Но сейчас вдруг ощущала какое-то разочарование. Будто могло что-то произойти, но не произошло. Что-то интересное или хорошее...

— Как там девочки? — мама всегда интересовалась делами моих подруг.

— Оказывается, Маша проводила время не только с мачехой, но и Петькой.

— Ты же говорила, что он поступил куда-то в Москву?

— Да, но, видимо, решил побыть с семьей.

Я говорила это с сарказмом. Петя и Маша друг друга не перебаривали. Когда Маша бывала у нас в гостях, часто жаловалась на так называемого братца.

— Но раз она этого не говорила мне, наверное, всё было так уж плохо, — я сразу вспомнила, как в деревне ходила пару километров на горку, чтобы поймать интернет, посмотреть обновления Машиного аккаунта в инстаграме и перечитать все послания, что она мне настрочила. Все они касались Павлика.

А сегодня она даже не упоминала его...

Послonyaвшись пару часов по дому — не могла ничем себя занять, — наконец начала собираться. Вытащила серую замшевую юбку, прикупленную как-то с невероятной скидкой еще в начале лета. Печаль в том, что я так и нашла, с чем ее носить. Плевать. Белая футболка же должна ко всему подходить?

Заглянула в коробочку, где лежали заработанные летом деньги. Эх, и почему они так неумолимо уменьшаются? Вытащила пару купюр — должно хватить на такси и 2–3 коктейля.

В «Рокки» уже многолюдно, замечаю несколько знакомых лиц, пробираюсь к забронированному столику. Маша машет мне, едва завидев. Слава богу, они уже тут.

— Вы раньше меня, прям удивительно!

— Таксист, видимо, не в курсе, что устроился не в «Формулу-1», а я побоялась его расстраивать. Чуть не открыла кирпичный завод по дороге, — Злата залпом допила коктейль и стала высматривать официанта.

Пока мы определялись, что будем пить, Маша успела заново пересказать, как познакомилась со своим Павликом на Бали. Теперь история заиграла другими красками, ведь сопровождалась жестикулированием Фомичевой и эмоциями на ее лице.

— ... И понятно же, что это курортный роман. Ну о каком продолжении речь? Не то чтобы я не хотела. Но как он вообще себе это представляет? Будем переписываться месяцами и летать друг к другу иногда на выходные? Бред!

Иногда в Маше просыпался рационализм, очень редко на самом деле. Слишком много было в ней романтичности. Отношения на расстоянии — как раз в ее духе. Но что-то пошло не так, и сейчас мы застали рассудительную Машу.

Злата только закатила глаза.

— Ты ли это говоришь? — не могла я не вставить шпильку, хотя полностью была согласна с ее словами.

— От тебя заразилась, — буркнула подруга.

— С Петькой-то не поцапалась?

— А да ну его! Терся вроде на нашей вилле, не до него было.

— Куда там, когда твои гланды изучает язык Павлика!

Маша рыкнула на меня.

— Твои слова так-то! Судя по тому, что ты про него рассказала и как он жаждал продолжить ваше общение, идеальный кандидат на твои почки и печень.

— Может быть... — Машкин взгляд затуманился, похоже, принялась вспоминать своего питерского мальчика.

— О, да ладно, будто она не найдет по кому здесь пострадать, — Злата это произнесла с таким огромным подтекстом, что не услышал бы... да даже глухой услышал бы.

— Святые пирожочки, кто уже? И когда успела?

Маша подняла на меня глаза, открыла рот и замолчала, видимо, пытаясь подобрать

слова.

— Да всё тот же. Просто кто-то решил, что уже всё, но, оказывается, не всё, — влезла Кошелева.

— А-а-а! — догадалась я. — Юрочка-лапушка-говнюк-высокомерный-мудак-Терновский?

— Бинго! — Злата выставила ладонь, и я дала ей пять.

— Когда успела вспомнить-то? — поинтересовалась я.

— Лайкнул ее фотки в инсте. Вспомнил, козел. Никто не дает ему, что ли, сегодня?

Подошел официант и предложил повторить напитки. И только мы согласовали этот вопрос, как из-за спины раздался голос, который я сегодня больше не ожидала услышать.

— Мари, детка, не грусти, вот он я. Извини, что заставил ждать! — Звягинцев напрягал связки как мог, чтобы ни в коем случае его торжественное появление не оказалось незамеченным за гремящей музыкой. Не дожидаясь приглашения, разместился на диванчике напротив меня, рядом с Машей и Златой. Петров пропустил вперед девушку, что держал за руку. Мне пришлось подвинуться освобождая им место. Шварц утащил стул от столика на двоих и, обойдя наше место, расположился рядом со Златой. Та что-то сообщила Шварцу и довольно улыбнулась. Захар спрашивал, удобно ли его девушке, суетился, нагнулся проверить, не заняла ли я слишком много места. Захар с Оксаной составляли странную пару, он невысокий, смуглый, темноволосый, видимо, в родне была какая-то кавказская ветвь, далеко не красавчик. Оксана же выше его на несколько сантиметров, и это без каблучков, яркая и красивая блондинка с не самым приятным характером. Петров же ее обожал и опекал. И как ни странно, она тоже относилась к нему искренне. Во всяком случае, мне так показалось.

Довольна ли я была новыми членами компании? Конечно, нет. И даже присутствие Звягинцева не улучшало ситуацию.

Он, кстати, что-то вещал Маше, наклонившись к ее уху.

Наконец официантка принесла наши коктейли, и я смогла себя хоть как-то занять в этой вдруг ставшей унылой обстановке.

— Где Лёха? — поинтересовалась Маша у Захара. Тот махнул рукой, заботясь только о том, что же им с девушкой заказать.

— Да будет скоро, — ответил вместо него Шварц. — Не может определиться, с какой сегодня прийти.

Маша скривилась.

— Спорим, с той татуированной! — Звягинцев вплотную придвинулся к столу, когда официантка принесла и их заказ. Стол заполнился стаканами и закусками.

— Не-е-е, — протянул, улыбаясь, как кот, Шварц, — я за гимнастку! — он скосил глаза на Злату, но та и бровью не повела.

— ... да не переживай ты... — уловила справа голос Петрова. — Не вы первые, не вы последние... Мари, у вас тоже в этом году философию Розочка ведет?

Маша зависла.

— Э-э-э... Я не смотрела... О! Алиса же знает! Кто у нас?

Я аж замерла, когда 6 пар глаз уставились на меня. Открыла чат, куда скидывала предварительное расписание.

— Аверьянова Роза Прохоровна...

Звягинцев помотал головой, улыбаясь.

— Сочувствую. Конспекты не дам, даже не просите!

Маша тыкнула его в бок, а он ее в ответ.

— Тёма! — взвизгнула она

— Это была контратака!

— Щас я тебе покажу... О, вон Лёха идет!

К нам присоединился тот четвертый парень, что был утром с остальными.

— Привет! — завопил он, перекрикивая музыку. — Это Оля, это Эля, — представил он двух девушек, сопровождающих его. — Тёма, Эля поехала только ради тебя, мы же все знаем, что Мари тебе не светит!

Захар и Шварц заржали, Звягинцев с интересом уставился на Элю. Все вдруг повставали — Леша принес еще один стул — и стали меняться местами. Я оказалась на одном стуле, Маша на другом — на том конце стола. Шварц, Злата, Тёма и Эля на одном диванчике, Захар, его девушка, Леша и Ольга — на втором.

Вообще-то я уже сроднилась с этим диванчиком, с его приятной бархатистой обивкой, и на стул совсем не хотелось переезжать.

— Да-да, я там нагрела уже, пользуйтесь. Не стоит благодарностей, — проворчала я. Но, кажется, никто меня даже не слушал.

Эта компания меня напрягала всё больше. Я подняла глаза на Машу, чтобы понять, как она относится к такой несправедливости. Она жестами изобразила «пошли отсюда потанцуем».

Я только за! Напряжение спадает, слегка улыбаюсь. И встречаюсь взглядами со Звягинцевым, пока поднимаюсь со стула. Это длится всего пару секунд — Эля требует его внимания. А мне хватает, чтобы вспыхнуть. Да что ж такое! Надеюсь, освещение не дало никому ничего заметить.

Пока движемся к танцполу, Маша что-то вещает о вкусе Лешки на девушек — похоже, ей не понравилась Ольга. Не стала спрашивать, а как ей Эля?

У меня нет иллюзий по поводу себя и Звягинцева. Поэтому не предпринимала вообще никаких попыток познакомиться, хотя могла бы с помощью той же Машки. Я вряд ли когда-то попаду на его радар. Те две девушки, с которыми Артем встречался и о которых я точно знала, были полными противоположностями. Хотя нет, кое-что общее можно выделить — уверенность в себе (это ясно ощущалось даже издалека) и яркая внешность. Одна была какой-то творческой натурой, не красотка, но не обратить внимание на нее было просто нереально, и одевалась уж очень авангардно. Другая — какая-то спортсменка и явно адепт культа Ким Кардашьян.

Откуда я все это знаю? Презираю себя за это, но раза 3 или 4 находила через Фомичеву его профиль в инстаграме. Гребаный сталкер.

У меня же нет экстравагантного гардероба или вещей, сидящих на мне, как вторая кожа. Я не рисую, не занимаюсь танцами, атлетикой или плаванием, не пишу стихи, не веду блог. Даже волосы не крашу в какие-нибудь яркие цвета.

— Извини! — кричит Маша мне на ухо. — Я бы тоже предпочла провести время втроем. Но ты же видела Злату. Если Злата хочет Мишаню — Злата получит Мишаню.

— Не так уж всё и плохо... — хочу поверить в свои слова.

Коктейль и музыка помогают разогнать хмурые мысли. Маша танцует и хохочет. Не могу удержаться и тоже смеюсь. Без причины. Просто так.

Я перестала считать песни и даже потеряла из вида подругу. Обнаруживаю ее с каким-

то парнем. Они невероятно синхронно танцуют и увлеченно болтают. Как будто бывает иначе — Маша всегда притягивает взгляды и знакомства. Порою это напрягает, и я говорю, что больше никогда не пойду с ней в публичные места.

Видимо, почувствовав мой взгляд, она смотрит на меня. Я перебираю пальцами в воздухе, изображая походку. Она кивает.

Мне жарко и хочется пить. Возвращаюсь к столику, но, взглянув в меню, понимаю, что «не так уж я и хочу пить». Замечаю на столе бутылку минералки. И все заняты своими пассиями, мне вообще не удастся привлечь хоть чье-то внимание, чтобы спросить, могу ли я попить. А учитывая, что мой бокал из-под коктейля уже унесли, мне даже некуда налить воды.

Ненавижу это состояние беспомощности, когда хочется, чтобы кто-то пришел и все разрулил. «Ой, Алис, хочешь пить? Держи водичку!»

И я сдаюсь: иду к бару и покупаю эту чертову воду по цене боинга. Всё, ни на один коктейль уже не хватит.

Тщетно жду возвращения Фомичевой — только ее сумка напоминает, что она все же где-то здесь. Зачем я продолжаю здесь сидеть? Надо уезжать. оплачиваю свои коктейли, открываю приложение и заказываю такси.

Внезапно Злата отрывается от своего Миши.

— Уезжаешь? — перекрикивает она музыку.

— Да, спать уже хочется... — будто оправдываюсь я.

— Через сколько такси?

Я сверяюсь с приложением — 5 минут.

— Провожу тебя, — она что-то быстро говорит Шварцу и встает.

Это странно, но мне приятно, что Злата сейчас со мной пробирается к выходу. Уже не чувствую себя такой одинокой и ненужной.

— Где Мари? — спрашивает она у дверей.

— Где-то там...

— Хорошо, — Злата обнимает меня и просит написать, когда доберусь.

Я киваю и собираюсь выходить, но она вдруг идет со мной.

— Запомню номер машины, — поясняет.

И я улыбаюсь.

Провожая взглядом светящиеся вывески, теплый свет фонарей заливают центральные улицы. Вечер был далек от идеального, но всё же подарил легкое ощущение праздника. Движение вокруг, люди, дым, неон...

Подъезжаем к моему району — слабоосвещенные улицы, местами просто темные, и как-то дышится тяжелее. Сразу прихожу в себя, снова ощущаю себя унылой и серой. Стандартное послевкусие яркого вечера. Там были огни и веселье, здесь — обыденность.

Поднимаюсь по подъезду своей пятиэтажки, открываю ключом дверь. Все спят. А я сажусь на свою кровать и не знаю сколько пялюсь в окно на крышу соседнего дома.

Из маршрутки я вывалилась злая и невыспавшаяся. Какой-то еще более сонный студент оттоптал мне все ноги, и даже отодвинуться было некуда. Зомби-студенты нестройными рядами тянулись к университету.

Маша пришла перед самым началом первой пары. Выглядела так же, как я, — невыспавшейся. Но при этом вполне довольной. На мой вопросительный взгляд она шепнула «потом». И я позволила себе всю лекцию писать на автомате, мыслями пребывая где-то совсем не здесь. Фомичева же всю пару заплетала и расплетала тоненькие косички на своих карамельного цвета волосах, залипала в телефоне и вздыхала.

— Во сколько разошлись? — спросила я после пары.

— В четвертом часу, — лениво ответила подруга, высматривая автомат с кофе.

— И как ты только встала? — я бы точно не соскребла себя. — Так и были в «Рокки»?

— А... нет, — Фомичева изучала ассортимент автомата, кофе из которого она называла убийственным. В отрицательном значении, конечно же. — Я, когда увидела, что ты уехала — ты, кстати, за это еще поплатишься, детка, — тоже хотела собрать вещички. Злата там всю ворковала с Мишуткой. И что мне там делать?

— У тебя вроде неплохой партнер по танцам был, — съязвила я.

А Маша скорчила рожицу.

— Разве он сравнится с тобой?

— Грязную лесть в твоём голосе чувствую я, мой юный падаван.

— На светлой стороне не знают таких слов.

— А ты разве на светлой?.. — я улыбнулась — Ладно, что там дальше?

Мы отошли от автомата и поплелись в следующую аудиторию.

— Ну Звягинцев отлип от Эли и предложил завалиться к нему. Я честно хотела отказаться, но он уже разослал приглашения своим друзьям и одногруппникам...

Я уже догадывалась, к чему она клонит — к Терновскому.

— Я подумала, что Юра тоже будет. — И он был?

— Нет, но это же выяснилось уже только там. Ну я решила, что веселиться — так веселиться. И видел мой сторис...

Ах вот оно что...

— Да, бланк скинула, проверь... Задним числом, не забудь! И копию приглашения... Да, оригинал тоже нужно принести показать... Они так сказали, это ж не моя прихоть! — проторчала в деканате из-за Костика, а он еще ворчит. Он внезапно уехал на соревнования и уже из другого города решил поинтересоваться, что же нужно, чтобы прогулы ему не ставили. А в деканате то не было никого, то все были заняты, а после пар там уже стояла стройная очередь старост со своими вопросами.

Даже в столовую не получилось попасть. Надо всё же что-то укусить, иначе до дома не доползу. Пока выбирала что-то посьедобнее из того, что еще не растащили голодные студенты, написала в наш с девочками чат. Злата еще утром предлагала погулять в парке рядом с университетом, подышать воздухом — читай наделать фоток для инстаграма. А я разве против? Погода слишком хорошая, чтобы упускать эти дни. Еще чуть-чуть, и оденемся все в куртки и шапки.

«Вы где?»

«Под Бомжом», — пишет Злата.

«Минут через 5 буду».

«Ждем 5 минут. Не больше», — отвечает Кошелева.

«А потом еще 5 минут. И еще 5» — влезает Маша.

Я наконец выбрала пирожок с картошкой. И только собиралась озвучить свой заказ, как увидела табличку, что безнал не работает. Да что ж такое?! Именно сегодня я без налички, в кармане только громыхает несколько монет на маршрутку. Мама переводит мне деньги на карту, ей так удобнее. Иногда случаются казусы, вот как сейчас, и я стараюсь держать хотя бы немного наличных денег. Но не сегодня...

Голодная и немного расстроенная иду к памятнику первому ректору в центре скверика у главного корпуса. Мало кто называет памятник правильно, все зовут чугунную скульптуру Бомжом, потому что... ну скульптура и правда напоминает бомжа.

— Ну наконец-то! — слышу крик Маши, когда еще только огибаю декоративный кустарник с шарообразной кроной. — Твой чай уже остыл, все претензии к себе!

Я вижу, что на лавочке расположилась Злата, Захар и Артем. Маша стоит напротив и держит пластиковый стаканчик и пакетик с какой-то выпечкой. Когда я подхожу и приветствую мужскую часть компании, ибо с ними я точно сегодня не здоровалась, Маша вручает мне еду.

— Злата благодетельствовала нас, у меня не было налички.

— Спасибоочки! Я такая голодная!

— Пойдем потихоньку, — Маша пихает меня локтем в сторону парка. — И вы жопки поднимайте!

Мы медленно бредем по аллее к парку. Осень только-только намекает о своем присутствии. Можно даже представить, что еще лето, что не надо учиться.

Я быстро справляюсь с обедом. Кошелева и Петров идут немного впереди, обсуждают предстоящий семинар.

— ...Так-то на новоселье ты нас не собирал, Тёмочка! — укоряет Маша Звягинцева.

— А что тогда было первого?

— Это была афтерпати Дня знаний, никакого отношения к новоселью не имеющая!

— Да ты становишься заядлой тусовщицей, Мари! Нажалуюсь ведь Сергек Анатольевичу.

— Я ведь могу ответить симметрично!

Они весело хохочут. А я пялюсь по сторонам. Не была в парке с прошлого учебного года, за лето здесь случились изменения: вижу новую аллею, которая раньше была просекой, несколько деревянных скульптур животных появилось на клумбах. На площадке у фонтана открыто несколько инсталляций для фото.

— Мари, Алиса! — оборачивается Злата. — Вы готовы к фотосессии?

— А то! — задорно выкрикивает Фомичева.

— Может, не надо? — мямлю я. Не хочется позировать под взглядами парней.

Девчонки достают телефоны, скидывают рюкзаки на лавку.

— О, как удачно, что с нами Тёма! — Маша показывает все свои 32 зуба. — У нас будет почти профессиональная фотосессия!

— Я вообще-то видео занимаюсь, а не фото, — отнекивается он, но не слишком активно. И Фомичева вручает ему телефон. А я оккупировала лавочку, где лежали рюкзаки, и наблюдала за творящимся рядом беспределом.

Ну ладно-ладно, на самом деле, даже завидую тем, кто не чувствует себя зажато, позируя при народе или делая селфи. Вообще-то я бы тоже не отказалась от свежего фото. No, not today, напеваю я про себя.

— Лиса Алиса! Ты мне нужна! — обратилась ко мне Маша. Я не сразу сообразила, что она зовет меня присоединиться к ней для фото. Кошелева забралась уже в рожицу и снимала там какие-то мухоморы. А Маша восседала на высокой конструкции из разноцветных кубов.

— Давай залезай!

Я сморщила нос, намекая, что не желаю в этом участвовать.

— Давай уже, а то она меня не отпустит домой! — поторапливает Звягинцев. Черт, мне хочется рассмеяться от нелепости мысли, которая только что возникла у меня в голове: со мной только что заговорил Артем Звягинцев — сей знаменательный день надо отметить в календаре. Или хотя бы просто отметить.

Дома опустошаю холодильник и лезу в инстаграм. Смотрю обновления подруг. Мне нравится, как их снял Артем. У него какое-то свое видение, отличное от того, как Маша и Злата обычно снимают друг друга. Дохожу до фото, где мы с Машей сидим спиной к спине на самом высоком кубе. Она отметила меня на фото и скинула его в мессенджере. Фото хорошее. Маша выглядит отлично, у нее такое загадочно-задумчивое выражение лица — практически Мона Лиза. Я же... выгляжу напряженной — еще бы, мне было неудобно сидеть, хотелось скорее закончить и сбежать, но мы переснимали и переснимали. И поза неестественная. Машка сказала, что ей очень понравилось это фото. И мне бы понравилось, если б я была Фомичевой.

— Хорошее фото, — мама за спиной разглядывает тот самый снимок. — Правда, ты сама на себя не похожа. Но всё равно...

Вздыхаю, жму сердечко и закрываю приложение.

Пары закончились, и мы по старой доброй традиции оккупировали столик в студенческой пиццерии недалеко от университета. Я списывалась с двумя одногруппницами, передавая, чтобы они донесли кое-какие документы в отдел кадров — случился небольшой потоп и некоторые бумаги были попорчены. Маша и Злата обсуждали какого-то общего знакомого, чье имя я первый раз слышала.

Закончив с поручением, плююсь на свой кусок пиццы и кофе — они были лишними, ведь перед последней парой я ходила в столовую. В прошлые выходные шатались с девчонками по магазинам, и я внепланово купила футболку. Святые пирожочки, всего лишь футболка... Плюсы: футболка лишней не бывает. Минусы: я не планировала ничего покупать. А-а-а! Почему я постоянно думаю о деньгах? Мама сказала: «Привыкай, теперь так будет всегда». И рассмеялась. Очень смешная шутка.

Еще в том году спокойно брала у мамы карманные деньги и не думала, где бы взять еще. Маша не ходит в дорогие места (и я снова чувствую вину за это), и все же я уже почти полностью спустила летнюю зарплату. Может, поискать работу? Родители не обрадуются, им важно, чтобы я хорошо училась. Слышала, как мама, разговаривая со своей подругой по телефону, как-то упомянула, что рада, что я не ищу работу, а то заброшу учебу. Но как же убивает эта необходимость считать каждую копейку!

Открываю сайт по поиску работы, ставлю галку «работа для студентов» и теряюсь от количества вакансий. Понимаю, что большая часть мне всё равно не подойдет, но начинаю методично изучать.

— Мари, Голди! — раздается задорный голос Звягинцева. Я вздрагиваю и поднимаю глаза. Он присаживается на диванчик прямо рядом со мной. Я так удивлена, что не сразу понимаю, что у него просто не было выбора — место возле подруг занял Миша Шварц. Ох, дурацкая мышца в груди, перестань так стучать!

— Еще раз так меня назовешь!.. — Злата прищуривает глаза.

— И что мне будет? — ухмыляется тот.

Я замечаю, что Шварц переводит взгляд с девушки на своего друга, выбирая, видимо, чью сторону занять.

— И она будет называть тебя Колокольчиком, — ржет Шварц.

— Змееныша на груди пригрел. Знал ведь, что когда-нибудь мне это боком выйдет!

— Здороваться не учили? — вмешивается Маша.

— Так виделись же! — произносит Шварц и кладет руку на спинку дивана, позади Златы.

Я стараюсь не пялиться на сидящего рядом парня, поэтому только догадываюсь о его эмоциях. Думается, он закатил глаза.

— Здравствуй, Мария. Здравствуй, Злата. Здравствуй, Алиса, — с театральной учтивостью произносит он, поворачиваясь к каждой и слегка кланяясь.

Девочки, передразнивая его, здороваются, и мне ничего не остается, как сделать то же самое. Я поворачиваюсь лишь самую малость, только чтобы не выглядеть хамкой. Н — неловкость. Но никто этого не замечает.

— Пойдете за меня поболеть? — это Шварц обращается к Злате, я пытаюсь отвлечься на разговор, чтобы перестать думать о том, как мне некомфортно сидеть рядом со

Звягинцевым. С печалью смотрю на уже остывшую пиццу — сейчас мне кусок в горло не полезет. Но всё же делаю глоток еле теплого кофе. Миша говорит об отборочных университета на соревнования по тяжелой атлетике. И я понимаю, что он говорит про эту пятницу, сверяюсь с расписанием.

— У нас лабораторная работа по статистике, — влезает я. Маша морщится, она понимает, что прогулять ее смерти подобно — Попов не простит. До этого года он ничего не вел у нас, но слава его идет впереди.

Чувствую на себе взгляд Звягинцева. Черт, прекратится это когда-нибудь? Почему я так реагирую, покрываясь испариной?

— Ну статистика — это святое, — усмехается он.

— У статистика прозвище Адский Гонщик, — уточняю я. — Знаешь почему?

Звягинцев пожимает плечами.

— Потому что стоит пропустить одну лабу, на другой он будет гонять по всему материалу, пока ты не сдохнешь и не отправишься в царство Аида, — кажется, мой тон вышел излишне кровожадным — все прыснули.

— Ну и ладно, мне хватит одной Златы, да? — Шварц толкнул ее плечом. И кажется, слишком сильно.

— Миша! — вскрикнула та и стала растирать руку. — Силу хоть немного рассчитывай.

— Ты так вообще без поддержки останешься, — поддержала Маша. — Используй свои мускулы во благо — принеси нам кофе.

Шварц качает головой, но поднимается с диванчика.

— Латте, — бросает Злата.

— Аналогично, — Маша лыбится. — И эспрессо?

Последняя реплика адресована мне.

— Нет, я не буду.

— Будет-будет, Алисе эспрессо.

Я машу руками, но Шварц уже ушел.

— Твой уже льдинами покрылся, — заботливый тон Машки, будто она мамуля, заставляет меня закатить глаза. А подруга отставляет в сторону мой стаканчик.

Когда Миша возвращается с нашими напитками, я искренне благодарю его, пытаюсь залезть в кошелек, но Маша одаривает меня таким взглядом, что чуть не замораживает мой кофе.

Чувствую на себе взгляд справа — Звягинцев. Кошусь в его сторону и натываюсь на пристальный взгляд карих глаз.

Раздражает! Так же невозможно расслабиться!

Я вдруг вспомнила, что вообще-то искала работу, разблокировала телефон и продолжила. С тоской подумала, что никому из этих четверых работа вообще на фиг не сдалась. Немного развернулась, чтобы Звягинцев не видел экран телефона. Знаю — нет ничего плохого в любой работе, но почему-то казалось, что он только презрительно хмыкнет, если увидит, какие вакансии я рассматриваю.

Пока еду в маршрутке домой, на улице начинается ливень. Я надеюсь, что, когда я доеду, он прекратится. Но как можно было забыть, что я и удача — вещи несовместимые. Мало того что маршруточник остановился возле огромной лужи, в которую мне пришлось спускаться, так я еще цепляюсь рукавом куртки за какой-то грязный ящик возле двери, пока спускаюсь с высоких ступеней пазика. Иду домой и проклиная на чем свет стоит тех, кто

отменил автобусный маршрут до моего университета.

Как же дома хорошо, тепло и пахнет чем-то вкусным. Стягиваю замерзшими от дождя пальцами рюкзак.

— Купила хлеба? — раздается с кухни мамин голос. Я зажмурилась от досады. Так спешила оказаться в тепле, что забыла мамину просьбу.

— Там же ли-и-ивень! — простонала я, понимая, что мне ничего не поможет. Не стала переобуваться из промокших кроссовок, только зонтик схватила.

Что за день такой? Еще утром ничего не предвещало беды. И чем я прогневала небеса?

— Мам, спасай, — хнычу, уплетая через пятнадцать минут обед. Дождь и поездка разбудили во мне зверский аппетит. Мама отрывается от детектива, идущего по телевизору.

— Что опять?

— Почему опять? Как будто со мной вечно что-то случается.

Она улыбается. Я знаю, что нас у нее двое, поэтому да — с нами двумя вечно что-то случается. То с одной, то с другой. Сообщаю, что моей куртке срочно требуется спасательная операция.

И весь вечер мы пытались вывести это чертово пятно с рукава. Из угольно-черного оно стало просто черным. И всё.

— У меня не осталось денег, — уныло сказала я.

— У меня тоже сейчас нет. Подождешь до следующего месяца?

Как будто у меня есть выбор. И так знаю, что бюджет расписан по пунктам.

Мне точно нужна работа.

— Кто хочет напиться? — спрашивает Маша, ежась от холода и посматривая на свою машину. Да-да, я бы тоже предпочла сейчас быть в ней.

— Да и хрен с ним! — зло бросает Злата и направляется к своей Toyota.

— Ко мне? — выкрикивает Маша ей в спину.

Злата не отвечает, а это означает согласие.

Я вообще-то планировала позаниматься, чувствую, что некоторые темы мне не даются. Да еще сомнения одолевают в правильности выбора финансового факультета. У меня неплохо с математикой, экономика нравилась. Но всё же я с трудом представляла, что всю жизнь буду заниматься именно финансами. Но не бросать же сейчас учебу ради сама не знаю чего.

— Хэй, Лиса Алиса, что застыла! — Маша начинает тыкать меня с двух сторон по ребрам.

Я взивзгиваю.

— Погнали, детка, это прекрасная пятница не должна пройти впустую!

И я плюю на всё и иду к ее машине. По пути мы заезжаем в супермаркет и набираем полные пакеты вредной и не очень пищи и алкоголь.

Злата смешивает всем коктейли — ее любимое занятие, мы шутим, что ей следовало идти в институт сервиса и туризма.

Располагаемся прямо на полу в гостиной у Маши дома, вытряхнув весь арсенал из еды и алкоголя на огромный журнальный стол. Фомичев-старший с Ел Ол отправились на дачу — «можем творить всё что хотим».

Злата не дожидается, когда мы заберем свои порции, и сразу отпивает порядочный глоток.

— Не спеши так, — мягко говорю я, не сильно желая попасть под горячую руку.

— Говнюк! — рычит она в ответ. Я догадываюсь, что это о Мишутке. Ярко-голубые глаза Кошелевой метают молнии. Она дерганно собирает свои темные волосы в хвост, ведь от мелкой морosi на улице они перестали лежать так, как она любит. — Я его там стою жду, как полная идиотка. А он ведет себя, как стервозная девчонка! Ну не пришла на отборочные, я что, теперь учебу должна бросить? Обиженка нашелся!

— Будем звать его Мишель, — хохочет Маша. Она выуживает из кармана джинсов резинки для волос. Одну кидает мне, а второй, повторяя воинственные движения Златы, завязывает волосы в хвост. Мое волнистое каре с трудом удастся собрать, но я не сдаюсь и тоже оказываюсь «в банде с хвостиками».

— Я замерзла как бобик! Хотела загладить вину! И хватит ржать!

Я закусываю губу. Еще ни разу Злата так не злилась из-за парня.

— Мы ж на твоей стороне! — Маша наклоняется к ней. — Вот хочешь, обнимашек? Сейчас организую!

— Предпочитаю мужчин, — ворчит та.

— Фу на тебя! Ей предлагают самые лучшие теплые дружеские обнимашки, а она!..

Первый бокал уходит очень быстро. Злата, несмотря на Машкины протесты, отправляется к бару ее отца, выуживает пару бутылок, затем проводит досмотр холодильника и кухонных шкафов и смешивает нам новый коктейль. Я даже не пыталась

запомнить, что там намешано. Вкус приторно-кокосовый, но мне неожиданно нравится.

— Так что, правда Зеленина со студентом встречается?

Я сразу вспоминаю, что случайно услышала сегодня на кафедре.

— Она уволилась. Ассистенты утверждали, что они женятся скоро, но мне кажется — это только слухи, потому что, как обычно, «знакомая моей знакомой говорила».

— Жаль, что уволилась, она мне так нравилась, — сообщает Маша.

— Ну ее бы всё равно уволили... Наверно... — неуверенно произносит Злата. — Так ведь происходит?

— Думаю, да, — соглашаюсь я.

— А давайте найдем ее во «ВКонтакте»!

Когда мы всё же отыскивали нашу бывшую преподавательницу экономической теории, мы уже совершенно забыли, зачем вообще искали. Потом Злату посетила гениальная идея зарегистрироваться в «Тиндере». Решено было сделать совершенно свежие фотки, и она полчаса изображала капризную фотомоделю, пока мы с Машей фотографировали ее с двух рук.

В конце концов профиль создан, фотки загружены, Злата хотела в описание написать что-то глубокомысленное, но не могла ничего вспомнить, кроме той дурацкой фразы про меня трудно забыть и что там дальше по тексту? И потому у нее в профиле оказалась запись: «Меня трудно понять, лучше забыть и быстро бежать!» Конечно, посвайпав кандидатов, мы поняли, что наша подпись не такая уж и тупая. Злата хохотала, размашисто отправляя 90 % фоток влево.

— Алиса, тебе тоже нужно зарегистрироваться! Злату щас пристроим, а ты что, рыжая?

— А ты? — парировала я.

— У меня есть кандидат на мою ногу и селезенку!

— Неужто Юрий? А он в курсе?

— Пока нет. Но от счастья ему не скрыться!

Мы со Златой усмехнулись. Мне бы не помешало хотя бы десять процентов Машиной уверенности.

Позже мы разложили диван в Машиной спальне и постелили белье. Маша сделала всем какао с маршмеллоу. Злата уснула раньше всех, Маша еще долго предавалась воспоминаниям о лете и рассказывала о Паше. Но и она уснула, мне же сон не шел. Я залезла в свой пару часов назад созданный аккаунт в «Тиндере» и уставилась на фото того, кого мне предстояло свайпнуть вправо или влево. И понимала, что вообще не хочу этого делать. Было страшно, что мне никто не напишет. И еще страшнее — что напишут.

Просто не буду ничего делать и даже заходить в приложение, удалить не получится — Маша съест мне мозг и заставит заново зарегистрироваться.

Некстати вспомнился вчерашний день, и я почти до утра ворочалась, фантазируя, что я могла бы сказать Звягинцеву (а не тупо молчать) и что бы он мне ответил.

Небо всё затянуто тучами, дождя нет, но без него сегодня явно не обойдется. Я вздрагиваю от очередного порыва ветра. Холодно, но заходить в университет почему-то не хочется, бездумно разглядываю подъезжающих и паркующихся студентов и преподавателей. Перевожу взгляд на экран телефона, на котором открыт «Тиндер». Я так и не ответила Ивану. Снова читаю сообщение, как будто там что-то изменилось за пару часов с того, как я проснулась и увидела уведомление.

В выходные Злата ходила на свидание с Мишей. Вернее, она сказала, что это просто встреча, а не свидание. Ага, в кино. Точно. Это просто встреча.

— Ничего не было, — написала она нам. — Не хочу торопить события. Пусть получше старается.

Но ее короткий рассказ всё же что-то задел во мне. Тоже захотелось чего-то романтического. Свидания, милых сообщений в чате, поздних звонков. Оказывается, во мне тоже сидит желание иметь всю эту романтическую чепуху... Ну хотя бы иногда.

И я полезла в приложение и половину субботнего вечера проторчала в телефоне. Написали мне пятеро. И двое сразу отпали, обозначив, что их интересуют отношения без обязательств. Еще с одним разговор как-то сразу не заладился, по-моему у него были проблемы с составлением слов в предложении, я его вообще не понимала. Заскринила и кинула девчонкам. «Блокируй!» — был их лаконичный ответ. Четвертый «умер» после вопроса «Как дела?». Пятый сразу вкратце написал о себе, задал вопросы про учебу и интересы. Следующие дни стабильно желал доброго утра и спокойной ночи. А сегодня предложил встретиться. И я впала в ступор. Мне очень и очень страшно.

— А кто же тут? Неужели моя любимая Лиса Алиса? — пританцовывая, подходит ко мне Фомичева.

— Маняша, что мне делать? — захныкала я и подсунула ей свой телефон.

— Что-что! Встретиться, конечно!

— Боюсь!

Маша что-то печатает.

— Что ты там пишешь?! — в ужасе говорю я, пытаюсь выхватить телефон.

— Что ты согласна встретиться сегодня.

— Я не хочу сегодня!

— А что тянуть? Сходишь, согласишься: и либо будете встречаться, либо дальше искать счастье.

Я с сомнением смотрю на подругу. Нет, она права, но меня трясет от мысли, что мне нужно встретиться с совершенно незнакомым человеком.

— Когда ответит, назначай встречу после пар, днем, в людном месте. Сразу скажешь, что у тебя есть только час, а потом надо на работу. Как раз хватит примерно понять, стоит ли дальше общаться, — Маша улыбается, будто выполнила важную миссию, и треплет меня по голове. — Да не бойся! Хочешь, я даже дождусь тебя? Если что, спасу.

— Хочу.

— Договорились. И пошли уже, холодно тут.

Иван соглашается на мои условия и время. Маша и Злата подбадривают меня. Мы все вместе после пар доезжаем до пешеходной улицы, где в одном из кафе я и должна

встретиться с парнем. Девочки заходят в заведение напротив, а я на негнущихся ногах отправляюсь к месту назначения.

Узнаю его сразу. Вся ирония моего выбора доходит до меня только сейчас: парень рыжий. Нет, он не похож на Звягинцева. Ну если только в общих чертах. И вблизи внешность Ивана оказывается какой-то немного отталкивающей. Я сразу понимаю, почему у него все фотографии сделаны с одного ракурса. Стараюсь абстрагироваться. Внешность ведь не главное. Надеюсь, он окажется хорошим человеком.

— Привет, — усаживаюсь за столик. — Иван?

— Алиса? Привет. Зови меня Ваней, — он тепло улыбается, и я думаю, что сейчас он вполне ничего.

— Как день прошел?

— Хорошо.

И мы оба замолкаем. Я судорожно пытаюсь сообразить, чем поинтересоваться. Мне ведь должно быть интересно о нем что-то узнать. Но мне неинтересно. Мне хочется уже уйти. Лучше быть честной и не отнимать время. Но я не знаю, как это сказать. Подходит официантка, и я беру и заказываю кофе. Ну не идиотка ли?

— Так что, изучаешь финансы? — спрашивает он.

— Да. А ты что?

— Химию, — он так гордо это произносит, что можно позавидовать. Ну да, на химика вряд ли учатся, потому что «а почему бы и нет», на него идут осознанно. — Чем занимаешься, помимо учебы?

Что ж, и тут мне похвастаться нечем. Чувствую себя убогой. Так и проходит этот час, который по ощущениям тянулся в два раза дольше. Ваня задавал вопросы, а я отвечала, а потом он сам отвечал на свой же вопрос. После третьего или четвертого я уже почти не вникала. Мне было слишком скучно. К концу вопросы стали слишком личными, что я окончательно замкнулась. Сообщила, что мне уже пора на работу. Он сказал, что напишет мне. Расплатилась и бегом унеслась прочь.

— Катастрофа... — я поежилась.

— Не понравился? — спрашивает Маша и пододвигает мне кусочек чизкейка. Мы сидим в кафе. После этого свидания-допроса я жутко проголодалась.

— Нет. И я ему тоже.

— Почему ты так думаешь? — скептически интересуется Злата.

— Не знаю, мне так кажется.

— А о чём говорили?

— О, у меня выпросили чуть ли не полную биографию. Даже со сколькими парнями я встречалась и сколько длились отношения.

— Только не говори, что сказала правду!

— Ну мне некогда было придумывать несуществующие отношения.

Злата вздыхает.

— И как он отреагировал на это?

— Сказал, что это очень странно. И я не поняла, это осуждение или комплимент, — я смеюсь. Сейчас это уже действительно звучит забавно.

— Божечки, ладно, будем искать такого же, но с перламутровыми пуговицами, — перефразировала Маша цитату из фильма.

— Не надо такого же! — продолжаю смеяться.

Маша вела машину очень аккуратно, даже слишком осторожно. И я никак не могла решить, на руку мне это сейчас или нет. Весь день я слушала ее причитания о Юре. Если вкратце: этот засранец опять вспомнил ее и оставил комментарий под фото в инстаграме. Она написала ему в личку — спросила, как его дела. А что же Юра? А ничего.

Мне порой сложно было понять всё это. О ее безответном интересе знали многие, и Фомичеву это ни капельки не смущало. Я бы не вынесла. Или это со мной что-то не так?

Взгляд упал на рукав куртки — как же я ненавидела это пятно. Именно оно в конечном итоге заставило меня согласиться на работу промоутером, хотя и тянула до последнего с принятием решения. Родители были не в восторге, но их убедила продолжительность смены — всего несколько часов во второй половине дня да еще не каждый день. Да, деньги небольшие, но лучше, чем ничего. И ТРЦ, где я сегодня работаю вторую смену, расположен в трех остановках от дома. Звезды сошлись, что называется. Мне если и везло, то в каких-то второстепенных вещах, а не в важных.

— Что там в «Тиндере»?

— Ничего, — задумчиво ответила я.

— Ты вообще заходила туда после свидания?

— Пару раз.

— Так не пойдет, мы обязаны тебе кого-то найти! Не-не, не кого-то, а самого лучшего. Ладно, завтра я сама займусь свайпами, а то знаю я тебя!

— Да не хочу я! — лениво отмахнулась я, понимаю, что битва заранее проиграна.

Маша довозит меня до торгового центра и дарит свои фирменные обнимашки. Я прощаюсь и несу свое брэнное тело внутрь здания. Сегодня сменяю Руслана Кашина.

— Как тесен мир! — восклицает он. — Привет!

— Привет!

— Какими судьбами?

— Такими же, какими и ты, — язвлю я. Сама не знаю почему. Просто настроение какое-то нулевое. Хочется домой и спать.

— А-а-а, — протягивает он. — Вот ведь совпадение. Ты недавно тут?

— Вторая смена.

— А я-то уже месяц как! Хорошее место. Не надо носить какой-нибудь дурацкий костюм. И живешь, наверное, где-то недалеко?

Я согласно кивала и вяло улыбалась, надеясь, что вскоре он наболтается. Вообще-то он неплохой парень, и группа его любит. Это просто я такая бука.

После пар я отправилась в малый актовъй зал на собрание профкома, были приглашены все старосты. Повестка дня наиважнейшая — проведение университетского конкурса красоты. Опять мой сарказм... Ладно, событие действительно было серьезным. К нему всегда тщательно готовились. Помимо самого конкурса еще ведь развлекательная программа — а это привлечение студенческих музыкальных групп (а их водилось, насколько я знаю, не менее трех штук), всякие номера.

Я делала себе пометки в блокноте, а рядом сидящий Руслан записывал полный конспект. Мне хотелось закатить глаза. Аня Пирожкова, увидев мой взгляд, прикусила губы, чтобы не засмеяться.

Накидала быстро самое важное и выложила в чат, вдруг кто-то из моей группы захочет поучаствовать. Вообще-то я была уверена, что Маша захочет. Она идеальный кандидат. Заработает нашей группе плюсы в карму. К тому же приз обещали очень крутой — пока без подробностей, ибо идет согласование со спонсором.

«Ну выдвигаю свою кандидатуру, принято единогласно!» — написала Ира Акулова, весьма пышная особа, любящая пошутить на эту тему. Она практиковала девиз «Лучшая защита — это нападение».

«Маша?» — написал Толик Щепин.

«Маша!» — подхватила Лена Каримова.

«Маша!»

«Мари!»

«Фомичева».

Я отвлеклась от чата, слушая, какая помощь понадобится от старост. Когда собрание закончилось, в чате высказались все, выдвигая кандидатуру Маши. А сама же Маша молчала.

Не видела, что ли?

Я набрала ее.

— Алло, — раздался вялый голос.

— Спишь?

— Да нет, просто...

Что «просто» — она не стала продолжать.

— Видела, я скинула инфу по конкурсу красоты?

— Ага.

— Не хочешь участвовать? — спросила я, понимая, что подруга не в настроении. — У тебя что-то случилось?

На парах вроде всё было в порядке.

— Нормально, просто грустно как-то. Погода еще мерзкая.

— А что с конкурсом?

— Я не буду участвовать.

— Почему? — я не хотела давить на нее, но такая апатия совсем не характерна для Фомичевой. — Ну я не настаиваю. Но мне казалось, что ты захочешь.

— Нет.

Разговор как-то не клеился, и я попрощалась и положила трубку. Сказать, что мне не нравилась такая Маша — это ничего не сказать. У нее что-то случилось — это ясно как

божий день. Но опять же она никогда не держала ничего в себе — рассказывала мне и Злате все свои переживания.

Суббота — день самостоятельной работы. Поэтому я честно с утра немного посидела с конспектами и накидала пару страниц курсовой. Позже я отработала свои положенные 3 часа в ТРЦ, а оттуда меня сразу забрала Маша.

— Нет-нет, мы поедem в нормальное место выбирать тебе куртку. Здешние магазины мне не нравятся, — она покосилась на здание торгового центра, моего рабочего места.

По пути мы забрали Злату. И следующие несколько часов провели в поисках идеальной куртки. Я валилась с ног, а день не собирался заканчиваться. Только бы доползти до своей кровати и просто почитать книгу. И лечь спать пораньше. Но всю неделю Маша была меланхоличной, и мы никак не могли ее растормошить. А сегодня она снова бодрa и весела. Маша снова Маша. Я успела соскучиться по ней. И потому без раздумий согласилась на вечеринку. С кучей незнакомого народа. В другой ситуации ей бы пришлось меня долго уговаривать.

— Поможешь мне с пирогом? — в глазах Машки надежда. Как будто я могу ей отказать. Киваю. И получаю стандартную порцию дружеских обнимашек. И еще одну. Злата не выдерживает и тоже хватает нас, извещая визгом всех соседей, что у нас тут сеанс телячьих нежностей.

Маша вручает мне шеф-нож, раздает всем передники.

— Руководи, командуй, властвуй, доминируй!

— Вы готовы, дети? — смеюсь я.

— Да, капитан!

Пока я занимаюсь мясом, а Злата чистит картошку — должна сказать, что я не ожидала от нее такого ловкого обращения с овощечисткой, — Маша рассылает приглашения.

— Юрасика не забудь! — язвит Кошелева.

— Да он самый первый в ее списке!

Маша корчит рожу и продолжает копаться в телефоне.

— Мария Сергеевна, не соблаговолите ли вы уже присоединиться к нашему кружку юных шеф-поваров? — говорю я.

— Иначе Юрасик будет оповещен, что мисс Фомичева совершенно непричастна к этому кулинарному шедевру, — подхватывает Злата.

— И путь к его сердцу будет закрыт, — продолжаю я.

— Ой всё! Давайте скальпель. То есть скалку.

Залепляла края пирога Маша сама, сказав, что он не должен быть красивым, иначе Юра не поверит, что она сама его пекла. Поэтому сейчас в духовке стояло кривое нечто. Ладно, если он не сгорит, то в любом случае будет вкусно.

Мы со Златой дорезали сыр и раскладывали по мискам орешки, чипсы и прочие закуски. Маша уже встречала гостей. Чуть раньше она развешала по всей квартире гирлянды, убрала со всех полок то, что можно разбить, раскидала везде пачки влажных салфеток.

— Профи! — похвалила ее Злата.

Пришедшие уже начали веселиться, в кухню доносились радостные вопли и смех. Тут же кто-то прибавил громкость музыки. Простите, соседи, надеюсь, у вас хорошая шумоизоляция.

Вскоре явились Шварц и Звягинцев. И Злата покинула кухню. Не могу сказать, что я

расстроилась. Всё же я там мало кого знаю. Может, я даже всю ночь смогу просидеть на кухне — тут вполне неплохо, есть телевизор, еда. Да я тут жить могу!

Я вытащила пирог и позвала Машу.

— М-м-м, что за запах? — Звягинцев явился следом.

— Мой пирог! — гордо сказала Маша. — Ну ладно, наш общий, но никому не говори.

Они оба склонились, втягивая аромат пирога.

— Он уродлив, ты в курсе?

— Конечно, в курсе. Я сама его... Алиса, что я делала?

Они оба посмотрели на меня.

— Защищывала, — рассмеялась я.

— Точно, защищывала!

Маша схватила нож и стала резать, будто специально вкривь и вкось. Звягинцев забрал у нее нож и сам порезал. Они покидали куски на большую тарелку и отнесли в гостиную. Артём буквально тут же вернулся за пачкой одноразовых тарелок.

— Ты не идешь?

Я так удивилась, что не сразу поняла, как уставилась на парня. А он тоже внимательно на меня смотрел.

— А да, сейчас, нужно еще соломинки взять.

— Подтягивайся, — бросил он, выходя из кухни.

И кому на фиг сдались эти соломинки? Никому. Я растеряна, и мои пальцы подрагивают. Интересно, сильно Злата будет смеяться, если ей рассказать о такой реакции на то, что парень со мной заговорил аж третий раз в этом году?

— Ты идешь? — в дверях на секунду появляется голова Звягинцева и снова исчезает. Пресвятые пирожочки, я же сейчас умру от инфаркта!

На ватных ногах иду в обитель зла, то есть в гостиную, в толпу почти незнакомых мне людей.

Маша фотографирует свой шедевр — новый сюжет для сторис. Кто-то уже уплетает выпечку и всю нахваливает Машку. Она действительно старалась, мне не жалко славы для нее. Улыбаюсь. Как мало для счастья надо — просто испечь первый раз в жизни пирог. И Маша счастлива сейчас.

Наливаю себе выпить, иначе точно сбегу на кухню. Сквозь музыку прорывается звонок в дверь — новая порция гостей. Маша подрывается, но вскоре возвращается. За ней идут Захар с Лешей и их пассии. И Эля.

Я быстро занимаю уголок на диване, помня о том, что место может остаться только на полу. Я слежу за Элей — она подходит к Звягинцеву, что-то говорит ему, улыбается. Он тоже. И отходит от нее.

— Еще не пришел? — уточняю я у присевшей рядом Маши.

— Нет, но еще рано, шанс есть.

Она кладет мне голову на плечо, я треплю ее по голове, портя прическу.

— Аникина, у тебя сейчас на голове будет то же самое! — не меняя позы подруга запускает руку в моё темно-каштановое каре.

— А там когда-то было по-другому? — усмехаюсь я.

Рядом с Машей усаживается Звягинцев. Я чувствую его взгляд, но, возможно, он предназначен не мне.

— Так что ты хотела спросить про видео?

— Ах да! — подруга встрепелулась. — У меня есть горка видосов, хочу сделать из них что-то вроде клипа. Какая программа нужна? Куда бежать, куда орать?

Парень ей что-то говорит, но новая громкая песня заглушает все вокруг. До меня доносятся только обрывки фраз «...попробуй Premiere...», «...есть еще DaVinci...», «...вообще ничего сложного...», «можешь посмотреть видеоуроки на канале...». Я тоже могла бы подсказать. Кто в том году делал видеопрезентацию на вузовский вокальный конкурс для Каримовой? Знаю, что Звягинцев занимается видеосъемками, конечно, он знает больше. Но всё равно обидно, что Маша обратилась не ко мне.

— Что пьешь? — Эля аккуратно усаживается на кресло, стоящее возле дивана. Мы оказываемся очень близко друг от друга. Я удивилась, что она не предпочла оказаться ближе к Артёму. Хотя, может, у них не срослось. Ну да. А я сразу решила, что они будут встречаться.

— Эм-м, тут водка, спрайт и блю курасао.

— А, поняла, — тянет она. — Вы с Машей Фомичевой подруги?

Я в недоумении, что за странное любопытство? Но киваю.

— Давно хотела с ней пообщаться, — она смотрит на подругу, я тоже рефлекторно поворачиваюсь — Маша всё так же общается с Артёмом, он ей что-то показывает в телефоне. — Ой, ты не подумай чего! — залиvisto расхохоталась та. — Это просто... мне кажется, у нас много общего.

— Например?

— Ну... — она улыбается, но как-то растерянно. — Много чего. Она же будет участвовать в конкурсе красоты?

— Нет.

— Нет?

— Нет, — повторяю я.

— Как так?

Эля действует мне на нервы. Вот бывают такие люди, вроде ничего не сделали — а бесят! Говорю, что мне нужно в туалет и ухожу на кухню. Наливаю там себе водички и лезу в телефон, оттягивая время возвращения. Проверяю чат группы — 236 сообщений. И когда они успевают? Там сплошной флуд и нытье по поводу стервы-Розочки, занижающей оценки. На кухню вваливаются трое парней, которых я вижу первый раз, они открывают окно и зажигают сигареты, мне приходится ретироваться. Маши в комнате не оказывается. Замечаю ее на лоджии в компании Захара, Лешки, их девушек и еще нескольких человек. Вижу, что они там оживленно болтают и ухахатываются. Не пойду.

Ищу Злату. Нахожу в Машкиной комнате, она сидит на подоконнике, Шварц в кресле — он что-то говорил, но замолчал, когда я открыла дверь. Оставляю их одних. Хотела пойти в кабинет Фомичева-старшего, но и там оказываются люди, и даже в спальне Машиного отца и ныне пустующей комнате Петьки. Злюсь на себя, что не могу просто отпустить себя и веселиться, что ищу уголок, где спрятаться. Ну что сложного пойти и потрепаться о какой-нибудь ерунде с кем-нибудь? Да вот с той же Элей!

Решительно иду в гостиную, повторяю себе коктейль. Замечаю, что уже везде валяются пустые использованные стаканчики, на столе, где стоит арсенал алкоголя и закусок, — полный беспорядок. От нечего делать расставляю аккуратно, вытираю пролитые напитки, собираю ненужную пластиковую посуду. Ну Золушка просто. Только добровольная. Замечаю пустое блюдо из-под пирога. Уношу на кухню. Там уже другая компания курит. Им весело,

они вообще не смотрят по сторонам. Ну вот и хорошо. Мою посуду, противень от пирога, нож.

— Лиса Алиса, ты чего меня бросила? — Маша обхватывает меня сзади за талию. Голос о-очень веселый. И о-о-очень пьяный.

— Это я-то? — явлю я, смываю остатки пены с ножа, кладу на сушилку и пытаюсь повернуться, но Фомичевская хватка сильна. — Маняша-а-а!

— Ты-то! Сбежала куда-то, я ее зову: «Али-и-иса! Али-и-исонька! Али-и-исушка!» И что? И тишина! То есть не тишина, конечно, а Weeknd голосит. А должна ты голосить!

Не могу злиться. Смеюсь.

— Да ты пьяна, мать!

— Это я-то?

— Ты-то!

— Не воруй мои реплики!

— А ты мои!

— Договорились! — она вздыхает. — Почему мы на кухне?

— Потому что пытаешься лишить меня кислорода.

Маша размыкает свои объятия.

— А ты пытаешься лишить меня обнимашек! — хнычет она.

Я качаю головой и пытаюсь не смеяться.

— Ладно, иди сюда, моя тактильная маньячка! — я развожу руки в стороны. Машка подпрыгивает и ныряет ко мне.

Дальше Маша пьет и рассказывает некоторые подробности о ее (не)отношениях с Юрой, показывает переписку. И я понимаю, что всё еще хуже, чем я думала. Парень вообще не знает, чего хочет. И потому выносит мозги и Машке, и тем девушкам, с кем успел повстречаться. С ней не успел. И не собирается. Потому что она ему друг. Хотя он ее бы «трахнул» — его слова.

— Д — дружба, — рычит Маша.

— На хрен бы такую дружбу...

Но она будто не слышит меня. И поэтому я просто слушаю. Слова льются из нее нескончаемым водопадом. Она то плачет, то злится и покрывает незабвенного Терновского отборным матом. И пьет, и пьет.

Я тоже пила. И хотя говорила практически одна Маша, но умудрилась напиться в хлам именно она. Я четко увидела, что в какой-то момент она просто позеленела, речь стала совсем бессвязной. Никогда не видела ее такой.

Нет, Маша, только не здесь! Я успела уволочь ее в туалет. А после держала ее волосы — и себя — в руках. Только бы самой не наклониться над «белым другом»!

— Мащ, пошли, — я убедилась, что она больше не собирается опустошать свой желудок, и пытаюсь ее поднять и увести. Она же твердо вознамерилась уснуть прямо здесь — у подножия фарфорового трона. Каким-то чудом я уговариваю ее встать, умываю ее, пытаюсь не вдыхать этот запах.

Слава богу, ее комната пуста. Укладываю в кровать. Возвращаюсь в туалет — освежитель воздуха уже сделал свое дело. Я пережидаю приступ тошноты, умываюсь и выхожу. Полагаю, мне стоит остаться здесь в качестве и. о. хозяйки.

— Где Мари?

О, да ладно? Злата вспомнила о нашем существовании? Я знаю, что у нее там с

Мишуткой тоже все не окей, но жутко злюсь, что она даже разочка не подошла к нам за вечер. И ведь знает, как Машка сейчас нестабильна.

— Пообнималась с унитазом, теперь спит, — коротко бросаю я и иду в гостиную.

— Алис, — она хватает меня за руку. — Не злись, а... Знаю, я, сучка такая, бросила вас...

Иногда мне кажется, что Злата чувствует меня гораздо лучше Маши.

Кошелева вздыхает, прислоняется к стене и сползает по ней вниз. Я повторяю ее маневр.

— Как-то тупо всё.

— Угу, — соглашаюсь я.

— Кажется, ну вот сейчас всё будет хорошо. А нет, та же задница, только другая ее половинка теперь.

Я прыскаю. Дурацкое сравнение. Даже не смешное, но я смеюсь так, что слезы застилают глаза. Злата не остается в стороне и тоже ржет. Так нас и застают Звягинцев со Шварцем — бьющихся в конвульсиях в холле на полу. И проходят мимо.

— Пошли они все, — успокоившись произносит Злата, царственно поднимается и идет в гостиную. — И мы пошли, — она оборачивается, дожидаясь меня, — танцевать.

Злата предлагает остаться и помочь, но я знаю, что с утра ей нужно забирать бабушку из аэропорта, поэтому выпроваживаю домой. Слава пирожкам, большая часть этой бесконтрольной толпы сама свалила. Одного парня я кое-как выковыряла из ванной, вручила в руки кому-то из уходящих. Не очень-то культурно, но я знать не знаю этих людей, что я еще должна сделать?

Последней уходила, как ни странно, Эля. А я думала, что она уже давно покинула вечеринку. Она много болтала, прощаясь. Хвалила вечеринку. Как будто это я ее организовала... Просила звонить и писать ей. Я не стала уточнять, что у меня нет номера ее телефона и обзаводиться им не собираюсь.

Я оглядела творящийся в квартире ужас... Ладно снова включу режим Золушки, соберу крупный мусор и пустые бутылки.

Дверь Машкиной комнаты открылась и оттуда появился Звягинцев. Я замерла. Думала, что уже никого не осталось.

Последнюю фразу я произнесла вслух.

— А ты? — спрашивает он. Он не в духе, брови нахмурены.

— Я?

— Собираешься уходить?

— Нет.

— Почему?

Какой-то тупой разговор. Что он хочет?

— Потому что.

— Вызывай такси.

— Я останусь с Машей, — твердо произношу я.

— Иди домой, — напирает он. — Я останусь с ней.

— А почему это ты?

— Ну не ты же!

Не могу больше сдерживаться и закатываю глаза. Самый идиотский разговор за всю мою жизнь. Как слепой с глухим.

— Хрень какая-то, — не выдерживаю я. — Я остаюсь, и точка!

— А тебя можно здесь оставить?

Я сужаю глаза, пытаюсь понять, что он имел в виду. С какой стороны ни посмотри — все равно какую-то чушь несет.

— На что ты намекаешь?

— Да так... — он осматривает меня с ног до головы и слегка кривит губы. А мне хочется ему врезать чем-нибудь тяжелым.

— Знаешь, что? Иди на хрен. Я даже оплачу тебе туда такси.

— Денег не хватит, деточка.

Я рычу на этот его снисходительный тон. Ему не удастся меня выставить! Фигушки! Иду к комнате Маши, он преграждает мне путь, я ловко огибаю его и берусь за ручку, он хватается поверх моей руки и не дает мне повернуть. Мы оказываемся чуть ли не нос к носу. Больно сжимает, не давая мне пошевелить кистью.

— Руку убери.

— Свалишь?

— Нет!

— Тогда не уберу.

— И как мне свалить, если ты мне уже все кости раздавил?

Он разжимает пальцы. А я нажимаю на ручку, пытаюсь забежать внутрь. Но он выбивает из меня весь дух, оттолкнув от двери, хватая за запястья и припирает к стене. Уверена, в моих глазах пылают бешеные пламя. Убиваю его взглядом. А он — меня. В моих глазах зеленоватые молнии, в его карих — пожар. Кто кого?

Сбиваюсь на веснушки на его носу, но тут же возвращаюсь к глазам. Он ухмыляется. Ненавижу высоких, шея затекла смотреть наверх.

В тот же момент он отпускает мои руки и идет на кухню.

— Что встала? Помогай прибираться. Тебя же за этим пригласили?

— Мудак! — взрываюсь я. Моя ярость требует выхода, и я толкаю его в спину.

Звягинцев разворачивается.

— Вышвырну за шкуру, если будешь руки распускать, — он обманчиво спокоен. Мне вообще-то немного стыдно, ну еще не хватало его совочком по голове ударить, как в детском саду.

Молчу, чтобы не назвать его как-нибудь «ласково».

Следующие полчаса мы молча собирали по мусорным пакетам бутылки, разбросанные остатки еды, стаканчики. Потом Звягинцев запустил робота-пылесоса.

Сна ни в одном глазу. Я надеюсь, что парень уже наконец уйдет, но, похоже, он ждет того же от меня.

— Не уедешь? — спрашиваю.

— А ты?

Ясно. Подхожу к кофемашине — ничего не понимаю, что тут нажимать. Может, где-нибудь в ящиках найдется растворимый кофе?

Звягинцев достает две кружки, открывает какие-то лотки в машине, подставляет кружку, что-то нажимает. Когда напиток наполняет кружку, он ее забирает и усаживается за стол. Я недоуменно провожаю его взглядом. Засранец! Я фыркаю. Он делает вид, что меня нет.

— Сделай мне кофе! — бурчу я. Затем уже мягче добавляю «пожалуйста».

Я все же получаю свой кофе и устраиваюсь напротив. Мы в полной тишине медленно потягиваем напиток. Исподлобья кидаю на него недобрые взгляды.

В какой-то момент Звягинцев расслабленно откидывается на спинку стула и, наклонив голову, начинает на меня пялиться. Играем в гляделки?

К сожалению, я не сильна в этой игре. Звягинцев смущает меня, и я опускаю глаза и делаю вид, что у меня в кружке происходит что-то невероятно интересное.

В конце концов мы расходимся по комнатам: я в Машину, он — в Петькину.

Подсвечивая себе телефоном, выуживаю из комода две Машкины пижамы. Вся взмокла, но всё же смогла сменить ей джинсы на спальные шорты, а вот с верхом засада. Она дрыхнет и никак не реагирует на мои попытки разбудить. Ну и ладно, пусть спит так. Вытягиваю из-под нее одеяло и укрываю. Быстро переодеваюсь сама и тоже юркаю на кровать. Здорово иметь такое огромное спальное место.

Не стоило пить кофе, теперь-то точно не усну. Пишу маме сообщение, что ночую у Фомичевой, хотя и так днем предупредила, что, скорее всего, так и будет.

В голове миллион мыслей. Вспоминаю момент в холле, когда смотрели друг другу в глаза. Тогда я была в бешенстве и ни о чем не думала. А сейчас эта сцена выглядит совсем не так. Боже, что на меня нашло?

«А тебя можно здесь оставить?» Что? По его мнению, я что, могу что-то сделать подруге? Или намек, что обнесу хату?

Вот урод!

Чуть не отправилась к нему выяснять отношения.

На улице шуршал дождь, через приоткрытое окно в комнату проникал ледяной воздух. Машки не оказалось в кровати.

— Может, остаться на весь день здесь, под одеялком?

Фомичева, видимо, решила проветрить комнату, чтобы избавиться от «ароматов» вчерашнего кутежа, и заодно проверить, сколько я выдержу на холоде — даже под одеялом пробирали мурашки.

— Кριοкамера у тебя так себе, очнуться в 3000 году мне не грозит, — укорила я подругу, ковляя на кухню и заметив еще из холла, что Машка распласталась на столе. Вот она — расплата за вчерашнее.

Я плюхнулась на соседний стул и только тогда разглядела, что Фомичева здесь не одна. Прислонившись пятой точкой к гарнитуру, стоял Звягинцев с кружкой в руках. Витал запах кофе и яичницы.

— Очень громко топаешь, — донеслось от груды чего-то, смутно напоминающего Фомичеву. — И уберите еду... меня сейчас стошнит!

Я отвела глаза от Звягинцева в одних джинсах, забрала тарелку с яичницей и принялась есть.

— Это не тебе, вообще-то, — бросил он.

— Она не хочет, не пропадать же добру.

Я взяла Машину кружку и сделала приличный глоток.

— Для тебя, что ли, старались?

— Не для меня? — я решилась поднять глаза, скользнув взглядом по широким плечам, ключицам, острому подбородку. Было бы легче, если бы он мне не нравился внешне. Но мне не повезло...

— Только в твоих влажных мечтах!..

Наша пикировка уже не была с той же злостью, что и вчера, но ощущалось некое ленивое раздражение: и его, и мое.

— Тёма! — возмутилась Маша, наконец оторвав лицо от столешницы. — Господи, как же мне хрено-о-ово!

— Тебе бы в душ, — заметила я, оценивая ее до сих пор не отмытую от косметики мордашку.

— Ага, дойти бы дотуда. Не могу шевелиться...

— Иди спать, Мари, ты еще не отошла, — высказался Звягинцев. Заботушка, мать его. — И надо поесть.

— Только не есть! — Маша схватилась за голову. — Делайте, что хотите, а я спать, — медленно выбравшись из-за стола, она побрела к себе.

Я доела завтрак, предназначавшийся не мне, собрала посуду.

— Подвинься, — буркнула, намекая, чтобы парень открыл мне доступ к раковине. Он допил остатки кофе, отодвинулся, закинул кружку в раковину.

— И мою помой, — и свалил в закат.

— Козел, — прошипела ему вслед.

Конечно, я помыла только свою кружку и тарелку. Маша спала как сурок, когда я вернулась. Быстро переодевшись, я нашла свою сумку под кроватью и пошла обуваться.

Кто-то должен за мной закрыть дверь.

Что за невезение?!

— Звягинцев! — зову я. Тишина. — Звягинцев!

Он появляется из гостиной, слава богу, уже одетый, и неторопливо направляется в мою сторону.

— У меня имя есть.

— Бессмысленная информация, у всех есть имя.

Он смотрит на меня. Я понимаю, что у нас обоих еще не восстановились силы для «драки» или хотя бы нормального спора. Но, кажется, не быть нам друзьяшками.

— Иди уже, как там тебя...

Выхожу, не достаивая его ответом.

Моя вечерняя смена заканчивается в девять.

— Алис, давай провожу, все-таки уже темно, — это Руслан подждал меня возле подсобки. На мой удивленный взгляд поясняет, что ходил по магазинам, вспомнил, что у меня смена, и решил дождаться. Действительно, у него в руках несколько пакетов. Вроде всё сходится, но почему у меня ощущения, что это не случайность?

Не удастся подтвердить свои подозрения: всю дорогу до дома он болтал об учебе. Наверное, я слишком самонадеянна (или параноик).

«Не давайте мне больше так пить!» — читаю в мессенджере.

«Девочка хотела напиться из-за мудака — девочка напилась. Мы тут при чем?))» — Злата не щадит.

«Сучка!»

«Которую ты вечно жамкаешь и обслюнявливаешь!»

«Ну ты ж такая милашка, не могу удержаться! А Алиска молчит что-то...»

«Не хочет читать твои розовые сопли».

«Алиса! Ты где? Шлю тебе лучи добра и розовые сопли. Приезжай, буду обнимать. Ты меня спасла вместе с Тёмой!»

Я сначала улыбалась, пока не дошла до последнего предложения. Морщусь. И без него бы справилась. Пишу:

«Засранец твой Тёма!»

И тут же жалею об этом. Но Маша уже прислала недоумевающий эмодзи.

«Да кусанулись с ним вчера». И добавляю: «Ничего серьезного».

«Из-за чего?»

Я не стала скрывать, всё же обида от его слов еще сидела во мне:

«Выгонял меня, намеки какие-то намекал. Может, тебе объяснит, что его не устраивает в моей персоне?»

«Хм, поговорю с ним».

Я уже была в кровати, когда пикинуло уведомление от инстаграма.

«Пожаловалась мамочке, Аникина?»

Ой, и фамилию мою узнал, какой подвиг!

«Довела до сведения, Звягинцев».

Ответа не последовало, напрасно я ждала. Да и фиг с тобой. Беспокойных снов, Звягинцев!

Вторая пара тянется невыносимо долго. Я тру глаза, пытаюсь не заснуть. Попов куда-то свалил и оставил вместо себя аспирантку читать лекцию. На удивление в аудитории тихо. И это вкупе с монотонным голосом лекторши действует вернее любого снотворного. Я залипаю на сменяющие друг друга сообщения в групповом чате.

«Ей бы сказки детям на ночь читать».

«Смерть на статистике. Кому это выгодно? Скандалы, интриги, расследования».

«Дайте спичек для глаз, щас усну!»

«Не думала, что когда-то такое скажу, но Петров лучше».

«Он мой! Он так эротично рассказывает о всех этих медианах, средних гармонических, дисперсиях... мать моя женщина!»

Маша, как ни странно, прилежно записывает лекцию.

Я пропускаю в тетради место, чтобы потом переписать кусок. И, вместо того чтобы начать писать, гляжу в окно на облетевшие деревья, растущие по периметру крошечного скверика, спрятанного за корпусами университета. На лавочке замечаю Звягинцева и еще нескольких человек, скорее всего, одноклассников. Они все с тубусами, с большими папками для чертежей. Артём учится на архитектурном. Маша как-то упоминала, что у его отца строительная фирма. Возможно, отсюда и специальность... Мне интересно, это его личный выбор или родителей? Я снова обдумываю свою будущую профессию. Снова сомневаюсь. Машка говорит забить и учиться, вот когда пойму, что хочу, тогда и думать. Может, она права.

Артём смеется. Сегодня его волосы не стянуты в хвост, хотя обычно в универе я вижу его именно с собранными волосами. Он дурачится, устраивает бои на тубусах с одноклассником. Мне редко выпадает возможность понаблюдать за ним. А сейчас я могу абсолютно безнаказанно это сделать. И мне даже не стыдно.

Его улыбка заставляет мое сердце ныть. Разве законно быть таким красивым? На минуту прикрываю глаза и вздыхаю.

— Аникина, а ну пиши давай! — бурчит Маша. — Куда уставилась?

Я тут же принимаюсь писать, но Маша уже увидела, куда я гладела.

— О, Тёмка! Сходишь со мной после пар к нему?

— Зачем?

— Хочу попросить его затащить Юрку на вечеринку.

— Так напиши...

— Не, надо лично, чтобы отказаться меньше шансов было.

— Хорошо...

Не хорошо! Я не хочу к нему идти. Не хочу о нем думать. Не хочу о нем знать. Не хочу искать его в толпе. Для меня это всё слишком! Хочу просто учиться.

— Уже 10 минут прошло! — возмущается Щепин. — Можем идти домой!

— Да-да, пойдёмте! — подхватывает Акулова и семенит в сторону лестницы, за ней хотели последовать еще несколько человек.

— Стоять, бандиты! — кричу. — Встали и ждем. Схожу узнаю, где препод.

Маша хихикает над замершей Акуловой.

Оказывается, преподавательница сильно опаздывает и пара будет позже. Возвращаюсь и

объявляю всем об окне. Естественно, одноклассников сразу ветром сдувает.

— Блин, и когда мне теперь караулить Тёму? — сокрушается Маша.

— Просто напиши ему.

— Ага, — Фомичева уже строчит ему. — О, у него два окна, оказывается! Это судьба!

Пошли, Лиса Алиса!

Шанса сбежать нет — меня тащат за руку. Мы выходим к скверу, где веселилась группа Звягинцева. Маша сразу машет ему и летит навстречу.

— Есть разговор, — без предисловий выдает подруга.

Я же коротко киваю на его приветствие. Мне немного неловко после той вечеринки. И раздражает, что он обо мне думает невесть что. Хотя мне должно быть все равно. И вообще я не давала повода так думать о себе. Ар-р-р.

Мы отходим от толпы сокурсников Артёма и присаживаемся на лавочку. Я почти не вникаю в то, что говорит Маша, — не желаю снова слушать про Терновского. Подруга просит Звягинцева позвать Юру в «Малибу» в эти выходные. А Артёму эта идея совсем не нравится, он увещевает, чтобы та хорошо подумала, нужен ли ей его старший двоюродный братец.

— Слушай, Мари, он хоть и брат, но ты мне важнее, — Звягинцев встал с лавочки и остановился напротив Машки, которая сейчас пристально смотрела на него и напряженно улыбалась. И я перевела взгляд на парня, а он, видимо, почувствовав, на мгновение повернулся ко мне.

Божечки, достаточно одного его взгляда, и я вся пунцовая.

— И я слишком хорошо знаю Юру. Маш, это вообще не вариант для тебя!

Фомичева насупилась.

— Предпочитаю лично наступать на грабли, — ворчит она.

— А лучше бы слушала старших! — смеется он.

— Тоже мне старший. Год разницы!

— Целый год разницы! Смекаешь?

Маша кривляется, беззвучно передразнивая Артема.

— Да-да, помню, ты видел как рождались и угасали звезды и далее по тексту...

Артем смеется и говорит:

— Вообще-то я видел такое, во что вы, люди, просто не поверите. Штурмовые корабли в огне на подступах к Ориону...

Тут влезаю я:

— ...Я смотрел, как Си-лучи мерцают во тьме близ врат Тангейзера... — и не могу вспомнить продолжение цитаты. И снова краснею. Круто, Алиса! Блеснула знаниями. Молодец! Хоть бы сейчас провалиться сквозь землю. — Эм-м...

Звягинцев прищуривается и внимательно меня разглядывает. Мне бы сейчас не помешал агент Джей с нейтралитатором. Приеду домой и выпью яда.

— Я тоже помню только до этих слов, — говорит он, и я слышу смех в его голосе. Отворачиваюсь и закусываю губу.

— Два задрота, — веселится Маша. — Так, а теперь вернемся к насущному! Тёма, мы договорились?

— Мари, ну о чём тут говорить? Не собираюсь быть организатором этой катастрофы.

Маша хнычет и топает ногами. Я бы сдалась уже.

— Если ты не помнишь, в следующие выходные у Юрки днюха, — сообщает Звягинцев.

— Он меня не позовет!

— Позовет. Он уже выпросил ключи от дачи у родителей. И если бы ты видела, сколько коробок алкоголя стоит у него в квартире... Похоже, будет половина города.

Маша загорается как лампочка.

Можно ли считать, что Артём тоже сдался под Машкиным напором или, наоборот, отмазался от незавидной роли сводника Маши и Юры?

Не знаю, как я на это согласилась... Лучше бы взяла дополнительную смену на работе. Подбадривающие сообщения от Маши в мессенджере только раздражали. Вот зачем я ей там? Уж сегодня-то свет очей Машки, незабвенный Юрий Терновский точно появится на вечеринке — день рождения же. А мне там что делать?

Расклад вообще не вдохновлял: Терновский празднует свой день рождения в загородном доме. Будет очень много народу. Очень. Много. Народу. И знакомых от силы человек шесть. Маше будет не до меня. Злате, возможно, тоже — кажется, у нее налаживается со Шварцем. Предвкушаю лучшую субботу на свете!

Машка заехала за мной после салона красоты, заскочили к ней, чтоб она переделалась. Ел Ол спросила, во сколько вернемся, Маша пожала плечами.

Я уже говорила, что мне это всё не нравится?

— Всё будет хорошо, Лиса Алиса! — она положила ладонь мне на коленку, умиряя мою ногу, которая нервно выстукивала что-то азбукой Морзе.

Я оторвалась от разглядывания серых пейзажей за окном такси.

— Первый раз иду на день рождения без подарка, — меня правда нервировала эта ситуация. И нет, я вовсе не хотела дарить что-то совершенно незнакомому человеку, но это же невежливо... Ничего не могу с собой поделать, чувствую себя халявщицей какой-то.

— Брось, если бы Юра хотел подарков, он бы не стал устраивать такую огромную тусовку. Всё нормально, я же несу ему подарок, — она похлопала по большой подарочной коробке, в которой лежал какой-то мерч любимой Юриной футбольной команды. — Расслабься и давай повеселимся!

Не уверена, что мне будет весело... Но я кивнула. Постараюсь откинуть скептицизм в сторону. Может, и правда будет здорово.

Мы подъехали к закрытому коттеджному поселку «Чистые ручьи». Никогда здесь не была, что вообще-то логично. Маша назвала фамилию на КПП, и мы продолжили путь. Я пыталась не выглядеть колхозницей, попавшей в Нью-Йорк, но это было сложно. Не то чтобы я никогда не видела огромных коттеджей и садов, созданных ландшафтными дизайнерами, но тут была такая концентрация красоты, что просто дух захватывало.

— Вдохни и выдохни! — прошептала Маша, и я последовала ее совету, перед тем как выйти.

Погодка не радовала, темнеющее свинцовое небо обещало снег, ледяной ветер пронизывал насквозь.

— Быстрее, — скомандовала Маша. Мы миновали открытую калитку в чугунной литой ограде, добежали до широкого крыльца и, не теряя времени, вошли внутрь. Даже этих нескольких минут на улице хватило, чтобы замерзнуть, и я была несказанно рада, что в доме было очень тепло. В огромном холле стояло несколько дополнительных вешалок для верхней одежды, пол заставлен обувью. Что ж, мы далеко не первые. Музыка сотрясала дом до основания.

Маша уже разделась и сейчас поправляла макияж возле зеркала в какой-то винтажной раме. Я поторопилась тоже раздеться.

— Я нервничаю! — прокричала Маша, топчась на месте.

— Я тоже!

— Ты-то что? Не ссы.

— И ты не ссы! — я хихикнула. — Откроем центр поддержки нервничающих на вечеринках?

— О, Мари! — какой-то темноволосый парень сгреб подругу в объятия.

— Привет! — рассмеялась Фомичева, выпутываясь из рук парня. — Где Юра?

— Внизу, пойдём.

Маша на ходу меня представила брюнету, которого звали Саша. Мы прошли через большую комнату, видимо, гостиную. Маша и Саша приветствовали всех, кто попадался на пути, меня представляли, но я тут же забывала все имена. Да и вряд ли они мне понадобятся. Спустившись по лестнице вниз, оказались в огромном, судя по всему, подвальном помещении. Здесь были покрашенные в белый цвет кирпичные стены, разноцветная светодиодная подсветка по периметру потолка и даже на мебели. Ближе к двери располагался бильярдный стол, вдоль стен — несколько игровых автоматов, а в дальнем краю несколько низких мягких диванов, сдвинутых в круг.

Виновника торжества я сразу узнала, его фотографии Маша уж слишком часто мне показывала. Юра, смеясь, отделился от толпы, направился к двери. Маша, увидев свою цель, припустила так, что я и Саша остались позади. Я пристально наблюдала за ними. Должна сказать, что в жизни он оказался симпатичнее: волосы светлее, чем на фото, разноцветные огни мешали рассмотреть, но, кажется, с рыжинкой, живые глаза и яркая улыбка. Теперь я, думаю, могла понять, что она в нем нашла. Хотя всё равно он меня раздражал из-за своего отношения к Машке.

Фомичева вручила ему подарок. Он отошел к бильярдному столу и открыл коробку. Что ж, ему понравилось, он потрепал ее по голове, что-то сказал, чмокнул в лоб и пошел к двери.

— Куда он убежал? — спрашиваю, подходя к подруге.

— Да проверить, приехал ли кто-то еще.

— Вроде понравилось ему?

— Да, сказал, что один из лучших подарков! — Маша сияла. — Ладно, дам ему время побыть хозяином, а потом он никуда от меня не денется!

Мы смешали себе по виски с колой и оккупировали бильярдный стол, пока на него никто не покусился. Играли мы так себе, но мне всё равно нравилось. Вскоре появилась Злата в сопровождении Шварца. Тот быстро поздоровался с нами и ретировался в поисках своего бро Звягинцева. Кошелева расспросила все подробности знаменательной встречи Мари и Юры.

— Вы все-таки вместе приехали? — спрашиваю у Златы, памятуя, что утром она утверждала, что точно поедет с нами.

— Пришлось объяснить, что не надо со мной обращаться, как с остальными своими девками. Надеюсь, дошло, — Злата держала лицо, но всё же позволила себе маленькую довольную улыбку. Ее отношения со Шварцем не менее сложные, чем у Маши. Вернее, у Златы действительно были отношения, хотя они расходились каждые три дня. А вот у Маши... «всё сложно».

Мы коряво сыграли одну партию, и стол стали окружать еще люди, комментируя нашу недоигру. Пришлось закончить и освободить стол для других. Злата попробовала наши коктейли, сказала, что без нее ничего не можем и ушла сделать нам «что-нибудь нормальное».

Допивая свой «неправильный» напиток, мы пробрались к диванам, где двое парней

играли на PlayStation в какой-то файтинг. К Маше подошел очередной знакомый и стал расспрашивать о ее учебе. Судя по всему, не виделись они давно — парень был удивлен ее выбором специальности. Злата всё не возвращалась.

Я пыталась следить за чужим разговором, но слишком много неизвестных мне переменных в нем присутствовало. Следить за чужой игрой тоже не особо увлекательно.

— Пойду попудрю носик и заодно поищу Юру, — прошептала Маша, когда ее знакомый отчалил. — Не теряй, если что! Злата сейчас придет, не переживай.

Я кивнула.

А Злата не пришла. И Маша тоже где-то потерялась. И искать нет смысла, кажется, им и так есть чем заняться. Пожалуй, мне нужен коктейль покрепче, иначе я совсем испорчу всем ночь своим кислым видом.

Я долго смотрела, как несколько парней играет в бильярд. Хотелось присоединиться, но ноги будто приросли к полу. Всегда восхищалась людьми, которые могут просто подойти и познакомиться. Или, не прилагая усилий, сразу влиться в любую компанию. Я же стояла и пялилась. Все варианты приветствия казались глупыми и нелепыми. Я так нервничала, решаясь (так и не решившись), что не заметила, как опустошила стакан. Пришлось снова идти к барной стойке. Если моему биографу когда-нибудь придется описывать сегодняшний вечер, глава будет называться «Пила, стояла там, сидела тут, таращила глаза».

Стало тошно от своей бесхребетности. Ладно, не могу веселиться со всеми, повеселюсь одна. Я села за первый попавшийся игровой автомат и запустила новую игру.

Алкоголь подействовал как надо — настроение поднялось, координация упала. Играла я из рук вон плохо. То и дело возле меня кто-то притормаживал и смотрел на мои безуспешные попытки уворачиваться от пиксельных монстров и перепрыгивать лавовые ямы. У меня спрашивали имя и тут же забывали, смеялись вместе со мной, комментировали и подсказывали. Кажется, мне всё же тут нравится.

— Аникина, — на игровой автомат облакачивается моя рыжеволосая мечта.

Боже, что я несу?

— Звягинцев, — отзеркаливаю его тон.

Кажется, экран озаряет надпись Game over, но я смотрю только на парня. Я слишком пьяна, чтобы держать себя в руках. Хочется запустить руку в его длинные волосы. Опускаю глаза. Он как обычно весь в черном, рукава рубашки закатаны до локтей, скользку взглядом по предплечью с узором татуировки, по запястью с массивным браслетом из кожи, по кисти, сжимающей стакан. У него длинные тонкие пальцы, как у музыканта, на двух из них кольца: одно металлическое с каким-то кельтским узором, другое, кажется, из черной керамики.

— Где Мари?

— Я бы тоже хотела это знать...

— Может, поищешь?

Думаю, он беспокоится за нее, но слова срываются раньше, чем успела подумать.

— Я ей не мамочка.

На самом деле здесь примешана толика (или даже добрая щепотка) моей злости на Машу — притащить меня сюда и бросить! И ведь знала, что так будет.

— А я думал, подруга... — он отлепляется от автомата и уходит, оставляя меня с чувством вины.

И я иду искать Машу. Или хотя бы Злату. А лучше их обеих.

Черт! Похоже, Звягинцев точно знал, где Фомичева.

А Фомичева сейчас висит на том самом Саше, который нас встретил. Вернее, они вроде бы танцуют. Но слишком уж близко. Я оглядываюсь вокруг — Терновский восседает на диване в обнимку с какой-то блондинкой и на Машу вообще не обращает внимания. А вот Маша наоборот. Кажется, весь этот спектакль для него.

Я не знаю, что делать. Не бежать же отлеплять ее от парня.

У меня нет ни одного цензурного слова. Вот серьезно, уж лучше быть одной и ни в кого не влюбляться. Чем вот это вот всё!

Дождавшись смены песни, я беру подругу за руку и увожу оттуда в какой-то уголок, где нет людей. Она всё время ненатурально смеется и говорит, что «видала в гробу этого мудака». Потом тащит ее вниз. А вскоре она снова оказывается там, откуда я ее утащила.

Следующие несколько часов я оказываюсь в каком-то заколдованном круге: вызволяю подругу из чьих-то цепких объятий, увожу подальше, потом снова иду за ней. Хочу просто уже отсюда уехать! В конце концов можно оставить ее на попечение Звягинцеву. У меня тоже есть предел прочности. Еще чуть-чуть, и я пойду выцарапывать Терновскому глаза. Или отрывать яйца. Или заталкивать кий в задницу. Вариантов много.

Я устала.

Проверяю, сколько будет стоить такси и замираю в ужасе. Мне не хватит денег. Весь мир против меня.

Плюю на гордость, прошу займы у Фомичевой. Она таращится на меня, обзывает предательницей и снова убегает в эпицентр драмы, где Юра обжимается с другой.

Ладно, Фомичева, подключаю тяжелую артиллерию! Обхожу, кажется, весь дом и нахожу Звягинцева на кухне. Он в компании, я встаю на линию его взгляда и губами четко произношу «Помоги». Он вздыхает, но бросает своих друзей и подходит ко мне.

— Я не знаю уже, что с ней делать, — кажется, я хнычу. Но я так устала, что мне всё равно.

— Где она?

Я беру его за руку — это всё еще не выветрившийся алкоголь — и веду за собой.

Звягинцев бросает злой взгляд на своего двоюродного брата, затем подходит к Маше, закидывает ее на плечо и уходит в холл. Я слеую за ним.

— Пошли домой, — мягко говорит он, поставив ее на пол. И Маша соглашается. Я завидую, мои уговоры на нее не подействовали.

Сейчас они уедут. А сама не знаю, что делать. Мне надо домой, но у меня не хватит денег. Можно позвонить маме, чтобы вынесла мне нехватящую сумму, но уже очень поздно и это совсем крайний вариант. Остается Злата, но я ее так и не нашла, возможно, ее тут уже и нет.

Мой голос звучит жалобнее, чем я хотела.

— Можно, я поеду с вами?

— А мы и не поедим никуда, — он ухмыляется, наслаждаясь моей растерянностью. Хочу сказать, что он такой же говнюк, как Терновский, но он продолжает. — Дойдем до моего дома. Здесь же, в поселке, — уточняет он.

Я собираю всю свою смелость и наглость и выпаливаю:

— Я с вами!

Он лишь качнул головой в сторону выхода. Полагаю, это разрешение. Одеваю сама и одеваю Машу, которая уже почти спит. Улица встречает нас снегом и опустившейся еще ниже температурой. Снег прикрывает наледь на дорожках. Расстояние в три дома,

разделявшее коттедж Терновского и Звягинцева, мы преодолели чрезвычайно медленно, Маша норовила то и дело упасть. А упала в итоге я. Ну здорово. Что еще сегодня должно произойти? Уже ничему не удивлюсь. Ночь бьет все рекорды по неприятностям.

Пока Звягинцев отпирал калитку, потом двери, Маша оккупировала его плечо и пыталась дремать. Внутри было холодно. Я поежилась, даже не хотелось раздеваться.

— Скоро прогреется, — сообщил он. Мы прошли на кухню. Маша всё же проснулась и попросила чай. Я спросила, где туалет, и ушла, оставив Звягинцева суетиться на кухне.

Понемногу становилось теплее, я немного погрела руки под горячей водой, потом поправила слегка размазавшийся макияж. Набрала Злату, она долго не отвечала, но всё же взяла трубку. Она действительно уже уехала со Шварцем. Я вкратце рассказала наши приключения. Злата только вздыхала и говорила, что завтра своими руками придушит сначала Терновского, потом Фомичеву.

Свет на кухне приглушен, я замедляю шаг. Маша сидит на высоком стуле, облокотившись на кухонный остров и прикрыв ладонями глаза. На соседнем стуле сидит Звягинцев, приобняв подругу одной рукой за талию.

— Я не знаю, почему он такой говнюк, Маш...

Она судорожно вздыхает.

— Хочешь, я поговорю с ним?

— И что ты скажешь? — с надрывом произносит она.

— Не знаю, — серьезно отвечает тот, — чтобы не был таким мудаком...

Раздается смех вперемешку со всхлипом. В конце концов Машка не выдерживает и просто ревет. Ей так больно, что мне тоже становится больно. И слезы сами катятся из глаз. Нужно уйти, но не могу.

— Чем я хуже? — не своим голосом спрашивает подруга.

— Да ты всем лучше! — в голосе парня столько тепла и убежденности, что я готова и сама начать рыдать в голос. Я уже не смотрю, что там происходит, сижу на полу и реву.

Эти слезы о Маше. И о себе.

Постепенно Маша стихает. А я поздно осознаю, что они вышли из кухни и видят меня. Я вскакиваю, размазывая слезы (и остатки туши) по лицу.

— Отведу ее в гостевую, — сообщает мне Звягинцев. — Посидишь с ней?

Я киваю. Маша не смотрит на меня и покорно идет. Когда мы оказываемся в комнате на втором этаже, она тихо ложится на кровать и смотрит в потолок.

Звягинцев достает плед из шкафа и укрывает ее. Затем уходит. Я ложусь на кровать, Маша сворачивается клубочком, а я глажу ее по волосам и спине.

Вскоре понимаю, что подруга спит. Осторожно выбираюсь, в коридоре нахожу ванную и смываю разводы туши и засохшие слезы.

Спускаюсь вниз. Звягинцев пьет кофе на кухне.

— Можно мне тоже?

Тот без слов достает турку и варит мне напиток.

— Как она?

— Спит, — я отпиваю глоток, усаживаясь напротив. Думаю, что напроситься было плохой идеей. Пью свой кофе медленно, чтобы успеть обдумать свои дальнейшие действия. Поднимаю взгляд, может, смогу разгадать настроение парня и понять, что мне делать дальше. Он смотрит в окно, за которым только крошечная тьма и падающий снег.

Так не хочется уезжать, хотя мне немного не по себе здесь — я незваный гость, в конце

концов. Решаю, что пока он сам не скажет, что мне пора, буду сидеть и молчать.

Звягинцев встает, моет свою кружку и уходит. Я кусаю губы. Я так понимаю, ему всё равно, что я тут. Куда он ушел? Спать? Ладно, залпом допиваю уже еле теплый напиток и хочу подняться наверх, чтоб тоже лечь. Но вижу синеватое мерцание из комнаты дальше по коридору. Иду туда. Он сидит на диване, спиной ко входу, и тыкает что-то на пульте. Я обхожу диван и сажусь с другого края. Поражаюсь собственной смелости.

Я пропустила момент, когда парень определился с тем, что он будет смотреть. Первые кадры не кажутся знакомыми, но потом я понимаю... И не могу скрыть улыбку. Сайтама навсегда в моем сердце!

После первой серии «Ванпанчмена» Звягинцев ставит паузу.

— Есть хочешь? — этот обыденный вопрос не сразу уложился у меня в голове. Я могла бы ожидать «Ну что расселась?» или «Ты уедешь или нет?». Но не этого. — Тут вряд ли что-то нормальное найдется, но, скорее всего, есть попкорн или какие-нибудь снеки.

Я поворачиваю голову и хочу отказаться, но понимаю, что ужасно хочу есть. Хотя бы попкорн. И киваю.

Пока его нет, я думаю, означает ли это перемирие?

Через несколько минут появляется Звягинцев с миской попкорна, пачкой крекера и орешками. Убийственное сочетание во втором часу ночи. Но лучше, чем ничего. Наш перекус располагается на журнальном столике, и мне приходится сесть ближе. Я немного нервничаю

А потом отдергиваю руку, едва соприкоснувшись с его пальцами, когда тянулась к миске. Слышу его смешок. Но упорно смотрю на экран.

Когда следующие несколько раз я снова случайно касаюсь его пальцев, уже не отдергиваю руку. Я не боюсь его, пусть осознает это. Да!

Когда на экране от кулака Сайтамы костюм Молотоглава распадается на атомы и тот остается в чём мать родила, Звягинцев закрывает мне глаза ладонью. Я смеюсь и пытаюсь отодвинуть голову.

— Там всё равно не покажут самого интересного! Я же знаю!

Артём не дает мне увернуться и постоянно держит свою пятерню перед моими глазами. Тогда я делаю то же самое. Но он с легкостью убирает мою руку. И наши взгляды встречаются. Господи, как же мне нравятся эти карие глаза. В них так тепло тонуть. Я бы списала это на алкоголь, но, кажется, он уже почти выветрился.

Я хочу отвернуться, но он тянется ко мне. В полном ступоре понимаю, что он меня целует. Отвечаю не сразу. Неловко. Но его это не смущает.

Я наконец закрываю глаза и плюю на всё.

Даже прокручивая в голове это всё на следующий день, я не могла назвать момент, когда мои джинсы вместе с бельем оказались на полу, а его пальцы — во мне. В тот момент мне было плевать, что может проснуться Маша. Его пальцы заставляли меня стонать и выгибаться. Я даже не знала, что так умею.

Следом на пол летят наши футболки и джинсы. Меня никогда так не целовали. Я и никогда так не целовала. Зарываюсь пальцами в его длинные волосы, исполняя мечту. Затем провожу рукой по шее и груди, не ожидала, что его кожа окажется такой мягкой и приятной. Так можно и тактильным маньяком стать. Он проводит носом вдоль линии моего подбородка, затем прикусывает мочку. Если он еще раз так выдохнет мне в ухо, я умру на месте. Я уже близко — слишком давно не мастурбировала, а он вытаскивает пальцы. Я

разочарована, кусаю его за шею. А Артем подхватывает мою ногу под коленку и отводит в сторону. Немного неудобно, но я тут же об этом забываю, когда он оказывается во мне. Мои пальцы вцепляются ему в руки. Мне так больно и так хорошо. Подаюсь бедрами вверх, а зубами прикусываю плечо. Кажется, я не рассчитываю силу, но нас обоих сейчас это не волнует.

Я улетаю первой. А потом чувствую теплую лужицу у себя на животе. Тяжело дышу. И только когда с меня салфеткой стирают сперму, понимаю, что только сейчас произошло.

Я занималась сексом без презерватива. Пальцы подрагивают от ужаса. Тут же сажусь и собираю одежду. Ноги и руки не слушаются, но я как-то одеваюсь. Я в смятении и не знаю, что делать и говорить. И даже взглянуть в его сторону не могу. Надеюсь, он и так понимает: то, что произошло, — ужасно!

Шепчу, что иду спать, и сбегая наконец из комнаты.

Вода в душе холодная, видимо не в ту сторону повернула кран. Но я все равно залезаю. Шиплю от холода. И все же мне сейчас это нужно. Очень быстро моюсь, затем обтираюсь каким-то крохотным полотенцем. Плевать. Надеваю белье, потому что не могу смотреть на себя голую. Дрожу, но снова умываюсь ледяной водой. Мысли о жутком холоде застилают другие мысли — о том, что случилось внизу.

Хватаю одежду и, дрожа, несусь к Маше в комнату. Надеваю футболку и запрыгиваю под плед. Зря я так мало пила, сейчас могла бы отключиться и спокойно спать.

После пар пришлось идти в профком помогать с организацией конкурса красоты. В итоге меня отправили по магазинам со списком покупок на два листа. Аргумент за мою кандидатуру: «У тебя же подруга на машине!»

Хорошо, что Маша еще не успела уехать. Со мной напросился Руслан: «Кто-то же должен всё это дотащить!»

— Хэй, — зову я Машу. — Ты что?

Мы сидим в машине возле моего подъезда после почти четырех часов поездок по городу и покупок. Маша непривычно молчалива весь день. Я знаю, что — вернее, кто — является этому причиной. Мне хочется подбодрить ее. Или встряхнуть.

— Всё хорошо.

— Ага, вижу...

Фомичева вздыхает. И правда, что тут скажешь?..

— Ты же видела всё. Я бы поняла, если бы он к ним хоть что-то чувствовал, но он же меняет их каждые две недели. Странно, что не как белье — каждый день. Так почему не я?

— Ты хочешь на их место? — мой тон резкий, не могу себя сдержать. Потому что я уже ненавижу Терновского.

— Нет. Или да. Не знаю. Знаешь, когда его вижу, аж коленки подгибаются. Забываю про собственное достоинство, про гордость.

Теряюсь от такой откровенности. Ее слова так перекликаются с моими чувствами. С одним отличием. У нее всё же есть какой-то шанс, может, и не сейчас. А у меня нет.

— Он ведь даже потанцевал со мной. Говорил, что мой подарок самый личный, что я чуть ли не единственная попала в точку, а не отделалась чем-то стандартным...

Она мне рассказывает и рассказывает события субботнего вечера. Теперь я вижу их с ее стороны. И могу только вздыхать и тихонько произносить «Мудак».

Маша шмыгает и наконец останавливается. Все слова уже иссякли.

— Спасибо, что была со мной. Хотя я тебя и бросила...

Я смеюсь. А она продолжает:

— Хорошо, что у меня есть ты и Тёма!

Я тут же напрягаюсь. Весь день пытаюсь закинуть мысли о нем как можно дальше. В воскресенье утром я попросила Машу побыстрее вызвать такси и поехать домой, ведь «у меня уроки, да и мама просила не задерживаться». Нам повезло, такси приехало очень быстро. Когда мы спустились, чтоб одеться и попрощаться с хозяином, я не знала, куда себя деть. Мне показалось, что Звягинцев что-то хотел сказать, он постоянно смотрел на меня. Слава богу, что времени на долгое прощание не было. Хотела ли я слышать его нелепые извинения? Нет.

— Слушай, а Русланчик-то от тебя сегодня вообще не отходил! — улыбаясь, сообщила подруга.

Я закатила глаза.

— Это суперстранно, не находишь?

— Что ты ему нравишься?

— Что он от меня не отходит и несет какую-то чушь.

— Потому что ты такая вся снежная королева, парнишка теряется.

— Я?

Мне казалось, что я веду себя дружелюбно.

— Ты-ты! «Алисонька, давай я возьму этот пакет!» — Маша копирует интонации Кашина. — А Алиса вся такая сильная и независимая: «Сама справлюсь!»

— Я не так сказала! — смеюсь я.

— Ну, может, чуток по-другому, но смысл именно такой: «Не подходи ко мне, покусая!»

— Я могу, да, — я ухмыляюсь.

— Не нравится он?

— Не знаю... Наверное, нет.

— Скажи ему.

— Как? Он ведь фактически даже намеков никаких не делал. Просто трется рядом и несет какую-то ерунду. На предложение помочь я должна ему была ответить: «Руслан, вы мне не нравитесь, перестаньте катить ко мне свои яйца»? Так? А он такой покрутит у виска и скажет, что я чокнутая и он просто хорошо воспитан и хотел помочь...

Маша хохочет.

Позже, вечером, мне приходит сообщение от Каримовой. Она хочет участвовать в конкурсе и просит помочь с анкетой и видеопрезентацией. Я скидываю ей ссылку на положение о конкурсе, на регистрационную форму и страничку с разбором основных вопросов, которые возникают у претенденток. Конкурс проводится уже несколько лет, и вся информация давно разложена по полочкам. Но Ленка не унимается и забрасывает меня вопросами и просьбами о помощи. В итоге заявку мы заполняем вместе. Тяжела и неказиста жизнь старосты. Не в рифму, зато по делу. Видео я вообще не хочу заниматься, но выхода нет, Ленка не отстает, пока не соглашаюсь. Я говорю, что сценарий и съемки на ней, я лишь смонтирую. Мне прилетает тонна смайликов-поцелуйчиков. Я же ругаю себя на чем свет стоит. Даже монтаж заберет кучу времени, которого у меня не особо много — до сессии остается два месяца, и я знаю, что они пролетят, что вообще не поймешь, что делала всё это время.

На последней паре мне приходит сообщение в директ: «Жду после пар». В следующем сообщении указана марка машины, цвет и номер. Ну ладно додумался, что я не знаю его машину. Не знаю, хочу ли я говорить со Звягинцевым. Не отвечаю ему ничего. И тяну с решением до последнего. До того момента, когда уже нужно одеваться и выходить на улицу. Маша торопит, говорит, что отвезет меня, но у нее мало времени.

— Да мне надо в профком, совсем забыла, — делаю огорченное лицо. И стыжусь, как легко вру.

— Вечный профком! — ворчит Фомичева. — Не надоело?

— Надоело, — на этот раз правда. — А что поделывать?

— Ждать тебя не могу, сори!

— Я и не просила, — улыбаюсь.

— Ладно, у Златы пары перенесли, она позже заканчивает, напиши, отвезет тебя.

— Да я не знаю, когда закончу. Может, через полчаса, а может, через три часа.

После ухода Маши я выжидаю минут десять и выхожу из корпуса. Ищу синюю «Мазду».

Нашла, подхожу. Артем уткнулся в телефон. В последний момент закрадывается мысль, а вдруг он меня уже не ждет? Отгоняю ее и хватаюсь за ручку двери. Забираюсь в машину. Внутри полумрак и тепло.

— Вообще-то она больше фиолетовая, — вместо приветствия говорю я.

— По паспорту синяя, — отвечает он.

— А по факту — нет, — я поворачиваюсь к нему. — Что хотел?

— Пристегнись, — он запускает двигатель.

— Зачем?

— Так гласят Правила дорожного движения.

— А тут сказать нельзя?

— Нет.

Безапелляционность его тона заставляют меня пристегнуться. По пути мы молчим. Я перебрала все возможные варианты, куда мы можем ехать: от кафе до тайного клуба анонимных волонтеров.

И всё же я не выдерживаю:

— Куда едем?

— Ко мне.

Да, этот вариант я тоже рассматривала, но тут же отвергла как неосуществимый. Часть меня требовала устроить скандал, заставить его остановиться, гордо хлопнуть дверцей и уйти в закат. Другая говорила: «Давай посмотрим, что будет дальше!» Любопытство победило.

Звягинцев живет в старом доме, построенном в стиле конструктивизма. Когда сворачиваем во двор, замечаю сбоку именную табличку какого-то почетного жителя сей постройки. Его квартира на пятом этаже, в ней две комнаты с высоченными потолками.

— Напоминает студию... — произношу я, снимая куртку.

— Так и есть, во время Союза здесь жили скульпторы и художники.

Мы заходим в большую комнату, обстановка аскетичная, белые стены, на полу старый, но приведенный в порядок паркет, высокие деревянные крашеные рамы — видимо, дом

относится к объектам культурного наследия и менять окна нельзя. Никогда не была в таких домах. Понимаю, что мне здесь нравится.

Артём садится на диван и включает огромный телевизор на стене.

— Стоя будешь смотреть?

Из вредности говорю «да», но сажусь на диван. Не сильно далеко от него, но и не слишком близко. Ожидаю, что он что-нибудь начнет говорить уже, но оказывается, мы будем досматривать «Ванпанчмена».

— Вообще-то я его смотрела, — сообщаю я, когда заканчиваем смотреть так и недосмотренную в субботу серию.

— Я тоже. Но это не является противопоказанием для повторного просмотра.

Я хмыкаю, но устраиваюсь поудобнее. Пытаюсь следить за сюжетом (хотя и так всё помню), но абсурдность ситуации рождает тонну вопросов. От «Зачем я здесь?» до «Какого хрена тут вообще происходит?».

— Аникина, расслабься, — слышу слева от себя его голос. В его тоне такая приятная мягкость, какую я слышала у него только по отношению к Маше. И теперь я точно не расслаблюсь.

— Это невозможно, — бормочу.

— Ты даже не пробовала. Давай же. Немного практики, и всё.

Я близка к тому, чтобы взорваться. Представляю себя сверхновой.

— Я немного (нет, много) не понимаю, что творится. Почему мы сидим тут и смотрим «Ванпанчмена»? Что это было в субботу? И зачем это было? И как это произошло?

Я тяжело дышу от нервозности, пронизывающей каждую клеточку тела, смотрю на Звягинцева исподлобья, будто бык на тореро. И не зря — этот засранец так внимательно на меня смотрит, но краешки его губ приподняты в лукавой улыбке.

— Знаешь, хорошие вопросы. Но ответов на них у меня нет.

— Охренительно! А на это есть ответ? Ты всегда практикуешь незащищенный секс?

Говорю это и краснею, словно первоклассница.

— Обычно нет. Так получилось.

Хоть бы смутился для приличия!

— А если будут последствия, тоже будешь говорить: «Так получилось»?

Я пружина как танк. Хочу, чтобы он хоть толику понимания изобразил, понял, насколько это серьезно.

— Ты не принимала специальную таблетку?

Черт, я ведь не подумала об этом... Если он свалит всю вину на меня... О, он познакомится с моей темной стороной.

— Нет.

— Тогда ждем месячных, молимся Ктулху, приносим жертву Макаронному монстру, посылаем сигналы Вселенной.

Он невозможен! Я закрываю лицо ладонями, пытаюсь прийти в себя. Если честно, какое-то внутреннее ощущение говорит, что всё будет хорошо. Но я уже успела нафантазировать, как все мои планы летят в тартарары, если хоть один чертов сперматозоид достиг финиша.

Ладно, осталась неделя, нужно просто дождаться.

Артем обхватывает меня со спины и убирает мои руки от лица.

— Давай паниковать будем по факту, — мягко шепчет он и тянет меня назад, чтобы

облокотилась на спинку. И я позволяю ему это сделать. — Как-то жарковато, не находишь?

Я не успеваю даже понять вопрос, а он подхватывает футболку за край и снимает. Мою футболку! С меня!

— Очень жарко! — злобно произношу и стаскиваю футболку с него. А он не сопротивляется и смеется. Что ж, видимо, в этом и заключался план...

Хочется сжаться в комочек и прикрыться, лишь каким-то невероятным усилием воли я останавливаю себя. «Всё нормально, — убеждаю себя, — он всё видел уже. Не нравится, его проблемы!» Не очень действует... Это третий раз, когда парень видит меня без одежды. Второй был в субботу. А первый... В конце 11-го класса. Стандартная история: мне нравился парень, а ему просто хотелось секса. Тогда некогда было страдать от факта, что меня принялись игнорировать сразу после той ночи. Экзамены сами себя не сдадут. Потом у меня было целое лето предаваться жалости, ненавидеть его, пребывать в апатии. И наконец понять, что не так уж я его и любила.

Да, я пережила уже давно это, но уверенности тот опыт мне не добавил.

Звягинцев подхватывает меня и сажает под бок. Там очень уютно, и я немного расслабляюсь.

Я стою у окна, дожевываю пиццу и смотрю на город. Мне так хорошо, что хочется плакать. Звягинцев разговаривает с кем-то по телефону, что-то по учебе, и меряет комнату шагами. Я пропускаю всё мимо ушей. В комнате полумрак, который разбавляет лишь мерцание экрана и свет фонарей с улицы. Мне кажется, со стороны эта сцена должна выглядеть атмосферно. Я, похоже, влюбилась в эту квартиру. Особенно в это окно — непривычно большое для советских строений, хотя это и объяснялось первоначальным назначением этого дома. Само здание расположено в верхней части улицы, плюс высокие потолки — и с пятого этажа открывался завораживающий вид на город. Светящиеся золотые змейки улиц устремлялись к центру и сливались в большое световое пятно. Слева даже виднелся шпиль главного корпуса университета.

Снова раздаётся писк мессенджера: Маша со Златой что-то обсуждают. Не хотела ничего читать, но пора возвращаться в реальность.

И ехать домой, пока ходят маршрутки.

Мама не одобрит, если вдруг «останусь ночевать у Маши». Нахожу свое нижнее белье под диваном, снимаю футболку Артёма, хотя с удовольствием бы осталась в ней, одеваюсь. Нахожу Звягинцева на кухне, он всё еще висит на телефоне. Не знала, что парни могут так долго болтать. Шепчу, что мне пора.

Он просто закрывает за мной дверь, всё еще слушая своего собеседника. Стараюсь не думать об этом. Видимо, нормальное расставание после секса — это не мое. Надо быстрее привыкать, чтобы не слишком загоняться.

Но пока не получается. В маршрутке прислоняюсь горящим лбом к стеклу. Чувствую себя какой-то грязной. Знаю, я сама была не против, более того, хотела этого. И могла предположить, что все примерно так и будет. Но всё равно стыдно — перед собой.

Достаю телефон и пробегаю сообщения: в «Бандитках», как обычно, обсуждают Розочку, ту еще стерву, тут я согласна с общественным мнением. Подруги обмениваются отзывами на какую-то новую песню, которую я еще не слышала. Достаю наушники, включаю, но мысли мои где-то не там. Три раза нажимала репит. Бесполезно. Ничего не слышу, не понимаю ни слова.

В прошлом году я была так горда собой: меня выбрали старостой. Так радовалась, а теперь начинаю понимать, почему никто больше не хотел занять сию должность. Нет, я знала это всегда. А теперь просто прочувствовала во всю силу. Ходить разбираться на кафедру с Акуловой, потому что «ну ты же староста!», то еще удовольствие. И это после пар, в пятницу!

Злата написала, что они всё еще в пиццерии. Спешу туда, мне сейчас не помешает та приторная бурда, которую они называют кофе.

В окно замечаю девчонок на нашем обычном месте, но они не одни. Сердце забилося. Я не видела Артёма с этого вторника. Вернее, видела пару раз в толпе студентов издалека.

Провожу руками по волосам. Потом одергиваю себя — вот еще событие!

Сразу подхожу к стойке и заказываю кофе.

Рядом со Златой расположился Миша и Захар, напротив — Маша и Артём. И мест свободно только рядом со Звягинцевым. Ох... Я бросаю «Привет», сажусь и сосредотачиваюсь на напитке. Потому что мне так неловко, что, мне кажется, из космоса видно, как я покраснела.

— Ну тебе же они уже не нужны! — хнычет Маша. — Ну Тё-ё-ёма!

— Они мне достались потом и кровью, это мой трофей!

— Алиса, помогай! — Маша перевешивается через Звягинцева и щипает меня за коленку.

— А?

— Помогай выпрашивать лекции Розочки, говорю!

Я плююсь на них обоих. Да, прошлую лекцию мало кто смог нормально записать, Аверьянова диктовала ее на первой космической скорости. А перед сессией будет проверять наши записи — у нее фетиш на свои собственные лекции. И мне тоже нужны эти записи.

— Вот ты зря ее не боишься, — обращается Маша к Звягинцеву, и он отворачивается от меня. — Так не скажешь, но Алиса с ее выдержкой и хладнокровием вполне может быть каким-нибудь наемным убийцей. Ассасином. Ниндзей. Киллером.

Это я-то... Ага. И где мое хладнокровие, когда сейчас трясусь просто от того, что коснулась своим ботинком ботинка Звягинцева?

— Что смеетесь? Посмотрите, она же похожа на эту девочку из «Леона». Как там ее?

— Матильда, — подсказывает Шварц.

— О, да ладно, я думала ты только про зомби фильмы смотришь, — язвит Злата. Захар прыскает. Миша ее щипает за бок, и они обмениваются щипками. Кажется, сейчас я наблюдаю что-то из разряда внутренних шуток, о которых я не имею представления.

— Это единственный фильм не про зомби, который он смотрел, — сообщает Артём.

— Я не настолько ограничен, есть же еще фильмы про кошечек и собачек! А еще такой жанр, где слишком зазнавшихся персонажей убивают маньяки, затем расчленяют и закапывают в лесу. Я понятно намекаю?

Иногда, вот как сейчас, я чувствую себя пятым колесом.

Злата и Миша уставились друг на друга в притворной злости. И рассмеялись. Шварц наклоняется к уху своей девушки и что-то шепчет.

— Голди, Мишаня, ведите себя прилично в обществе холостяков, — укоряет их Артем.

Захар смотрит на него взглядом «я вообще-то не холостяк», а Маша, наоборот, поддакивает. Но я вижу, как она отводит взгляд, как искра пропадает из взгляда. Не могу видеть ее такой, хочется взять ее за руку, но нас разделяет Звягинцев, который, похоже, тоже замечает перепад Машиного настроения. Его рука взлетает и замирает в сантиметре от ее плеча.

Он моментально убрал руку. Но и этого мне достаточно, чтобы вновь задаться вопросом, что он чувствует к ней? Так сильно хочу знать, что приоткрыла рот, чтобы спросить. Видимо, я совсем уже того...

— Может, ко мне? Посмотрим что-нибудь, поиграем...

В Машином голосе не вопрос, а просьба: «Побудьте со мной!»

Все тут же соглашаются и бурно обсуждают, что посмотреть.

Знаю, что мои чувства глупы и неуместны, но сейчас завидую ей — у нее действительно много друзей. Друзей не на словах, а на деле. Пусть не идеальных, но дорожащих ею. Это ошеломляет.

— Заеду за Оксаной и сразу к тебе, — Захар покидает нашу компанию. И мы тоже начинаем собираться. Миша со Златой решают оставить машины у университета. Поэтому я и Злата забираемся к Маше в ее машину, Артём везет Мишу.

Меня посещает мысль, что если бы всё было немного по-другому, то я могла бы ехать с Артёмом, а Мише вполне неплохо было бы со Златой и Машей. Щипаю себя за такие дурацкие фантазии.

На кассе в магазине, куда мы заехали купить, чем можно хрустеть, Маша долго роется в поисках карты. Злата не выдерживает, подносит телефон и оплачивает сама. Фомичева ворчит всю дорогу до дома.

В квартире, когда разгружаем пакеты, Маша переводит Злате половину стоимости всех приобретений. Кошелева в своей серьезной манере припоминает, что «кое-кто всю дорогу нудел, что ВСЁ вернет». Фомичева парирует, что это штрафные санкции за самоуправство.

Приезжает Захар с Оксаной и Ушаков — на этот раз один. Я пользуюсь всеобщей суматохой, оттаскиваю подругу на кухню. Мне неудобно, эти денежные вопросы всегда заставляют чувствовать какую-то досаду. Знаю, что Маша может обидеться, но не сказать не могу. Я хочу разделить траты. Фомичева смотрит на меня, как на дуру, говорит, что несучушь, и выходит.

А в дверях Звягинцев. Он, что-то напевая себе под нос, проходит, открывает шкаф, где хранятся различные миски. А я мнусь, не зная, куда себя деть.

Всё так нелепо!

— Мари сказала принести еще стаканов, — положение спас вошедший Ушаков. — Алиса же? — он обращается ко мне. — Знаешь, что тут где?

Я кивнула. Звягинцев отодвинулся, открывая мне доступ к шкафу с посудой. Мы с Ушаковым взяли стаканы.

— Тёмыч, пошли уже, — крикнула Лёша, когда мы вышли из кухни. — А то место останется только на полу.

Вообще-то на Машкином диване можно расположить чуть ли не всю нашу группу. Захар предпочел с Оксаной расположиться в кресле. Я заняла второе. Остальные расположились на диване.

— Алиса, не хочешь к нам на диванчик? — поинтересовался Лёха, поигрывая бровями. Он сидел с краю, со стороны моего кресла, и сейчас похлопывал по свободной площади

рядом с собой.

— Хочу ли я поменять свое ВИП-местечко на диван? Пожалуй, нет.

— А вот я хочу к тебе...

— Жаль расстраивать, но сей предмет мебели рассчитан на одного.

— А мы вот поместились, — похвастался Захар.

— Сочувствую, — рассмеялась я.

— Темыч, можно я тогда Мари за коленки буду хватать, когда мне будет страшно?

На экране как раз появилось название фильма. Выбрали какой-то свежий хоррор, который еще никто не успел посмотреть.

— Себя хватай.

— Ладно буду прибегать к Алисе.

По всеобщему признанию, фильм оказался слабоватым. Хотя Ушаков исправно в страшных моментах наклонялся ко мне и хватал за коленку. А к середине фильма так и вообще сел на пол рядом с креслом, «чтоб далеко не ходить». Я заметила взгляд Звягинцева в один из моментов. В нем было напряжение и... осуждение? Разве может он меня осуждать за что-то? Разве между нами что-то есть, кроме того, что мы два раза при странных обстоятельствах занимались сексом?

И всё же я сбрасывала руки Ушакова, чувствуя совершенно необоснованную вину.

Сыграли в несколько настольных игр.

— Мари, надо предупреждать, что мы играем с профи. Так нечестно! — Захар собирает карточки с последней игры. Это намек в мою сторону, я три раза победила.

— Везет в игре, не повезет в любви, — философски произнесла Маша.

— Ну вот, а я уже распланировал наше с Алисой будущее! — обезьянничал Ушаков.

— Вообще-то это везение для Алисы, если у тебя ничего не выйдет, — высказался непривычно молчаливый сегодня Звягинцев. Мы встретились взглядами, но я тут же отвернулась, опять ощущая эту неловкость.

Захар и Оксана засобирались. И Ушаков с ними. Не то чтобы я чего-то ожидала после сегодняшних его заигрываний. Я знала, что ему просто было скучно. И всё же такая быстрая потеря интереса была немного обидной.

Пока Маша и остальные провожали Петрова с Ушаковым, мы со Златой убрали остатки пиршества — скоро должны вернуться Машкин отец и Ел Ол.

— Слушай, ты же не напридумывала ничего по поводу Ушакова?

— Я? — я не ожидала вопроса и не сразу нашлась, что ответить. — Нет, конечно!

— Я только хочу сказать, что он та еще проститутка, тебе такой не нужен. Там максимум на неделю, и прощай навсегда.

Я улыбаюсь.

— Я знаю, Злата. Всё в порядке.

— Мне просто показалось, что тебе он понравился.

— Нет, я просто подыгрывала, не более. Пусть поразвлекается. Я знаю, что это несерьезно.

— Фух, ну хорошо. Маши номер два нам не надо, — она грустно улыбнулась.

— Детка, мы едем? — Шварц обвил руками Злату за талию. — Хочу в кроватку.

— Идем-идем.

Когда и они уехали, Маша попросила, чтобы Звягинцев отвез меня домой. Я отнекивалась, говорила, что и сама доеду, еще ведь не поздно, в конце концов.

— Аникина, буду ждать внизу, — бросил Звягинцев и вышел в подъезд.

— Лиса Алиса, он тебе должен за свое поведение в тот раз, вот пусть поработает шофером. Только не подеритесь по дороге!

— Не могу гарантировать, — пошутила я, одеваясь.

— Спасибо за отличный вечер! — прошептала Маша, обнимая на прощание. — Синефиолетовая «Мазда»! — крикнула она, когда я уже спускалась.

Я чуть не ответила «Я знаю».

Официально заявляю: я нервничаю.

Выхожу из подъезда и направляюсь к уже знакомой машине.

— Ко мне? — спрашивает Артём, когда я сажусь и пристегиваюсь.

— Нет.

— К тебе?

— Что?!

Что он имеет в виду? Так двусмысленно звучит после его первого вопроса.

— Ну тогда первый вариант.

Я не понимаю, что происходит и просто сдаюсь. Смотрю только в боковое окно, пытаюсь понять, что мне делать.

Ответа нет.

Когда оказываюсь в знакомой комнате, подхожу к этому огромному окну, за которым видны огни города и только что начавшийся снег.

Что я творю? Что он творит? Какого хрена я здесь? Вопросы переполняют меня. Злость затапливает меня с головой. На него, но в первую очередь на себя. За свою слабыхарактерность.

Резко разворачиваюсь и иду обратно.

— Куда? — Артём ловит меня за руку и разворачивает.

— Домой! — со злостью шепчу я.

— Я отвезу, но потом.

— Нет, я хочу сейчас.

— Позже!

— Я не бесплатная шлюха, Звягинцев! — взрываюсь я.

— Я не говорил такого.

— А по факту так и есть.

— Это ты смотришь под таким углом!

Мы стоим друг напротив друга. Во мне клокочет гнев. И хочется плакать. У него всё так просто!

Весь день он был рядом с Машей, меня вообще не существовало, но да, напряжение как-то нужно снять, что ж, для этого и я сойду...

— Я не замена Маши! Может, предпримешь какие-то действия, а не просто будешь торчать во френдзоне?

— Ты, мать твою, вообще представления не имеешь, о чём говоришь! — в его голосе лед, а карие глаза больше не теплые. — Не носи чушь! Ты замена Мари? Seriously?

Этого мне достаточно. Больше не стоит тут оставаться. Еще чуть-чуть и я позорно разревусь. Разворачиваюсь и продолжаю путь до входной двери.

Но Артём отрывает меня от земли, переворачивает и закидывает на плечо.

— Какого... Отпусти!

— Нет, Алиса.

Я замираю от звука моего имени. Это запрещенный прием!

Относит меня в спальню и скидывает на кровать, не особо заботясь о моем благополучном падении. Я пытаюсь подняться, но Артём уже оказывается сверху, держит мои руки и смотрит в глаза. В спальне темно, но свет из гостиной позволяет рассмотреть его глаза. В них я вижу отражение некоторых моих эмоций: смятение, неопределенность и что-то неясное, настолько непонятное, что хочется остаться и попробовать распознать.

— Останься, — шепчет мне прямо в губы.

Вдыхаю его дыхание.

Несколько секунд, а может, и минут мы оба что-то ищем в глазах друг друга.

Киваю. Но он, даже не дождавшись, наклоняется и прикусывает мне мочку уха. Я громко вздыхаю, ощущая влажную дорожку из поцелуев от уха до ключицы.

И когда отпускает руки, я тянусь к резинке на его волосах и стягиваю ее.

— Мне так больше нравится.

А он расстегивает мою рубашку.

— Мне так больше нравится, — передразнивает.

Я улыбаюсь и подхватываю край его футболки, чтобы снять.

— А мне вот так.

Мы сидим на двух разнокалиберных креслах у окна и пьем кофе. Я надела его футболку. Интересно, он заметит, если я «случайно» уйду в ней?

— Мне нравится, — говорю, делая очередной глоток.

— Рецепт не скажу, даже не проси, — он усмехается и посылает мне довольную улыбку. — Мало кто удостоивается моего кофе.

— Предлагаешь занести это в каталог очень важных воспоминаний?

— И сделать татуировку.

— Не жирновато ли для чашечки кофе?

— А для чего не жирновато?

— Ну не знаю... Это должно быть что-то такое, чтобы мурашками покрываться от одного воспоминания.

— Секс?

— Возможно. Еще не решила.

— Тебе напомнить, как ты покрывалась мурашками 15 минут назад?

— О чём ты? Ничего не помню!

Он подрывается с кресла.

— Стой-стой, сначала кофе! Это святое!

— Тебя только он и спас, Лиса Алиса!

Я глупо хихикаю.

— Так странно звучит. Меня только Маша так зовет.

— Окей, тогда Матильда?

— Нет!

— Лиса? — с ударением на первый слог тянет он.

— Нет!

— Как будто тебя кто-то спрашивает.

Я качаю головой. Странно, мне так уютно рядом с ним в этой квартире, будто остального мира и не существует.

— Знаешь, мне очень нравится это окно... Не могу объяснить почему. Вот просто хочется стоять, пить кофе и смотреть в него: утром, днем, вечером, ночью...

— Это окно всё решило, когда я выбирал квартиру.

Мы обмениваемся понимающими взглядами.

Не хочу рушить эту умиротворенную атмосферу, но если не спрошу, не смогу спать ночью.

— Что у вас с Машей?

Вопрос звучит странно, ведь ответ мне известен, ну примерно. Но я надеюсь, что он поймет, что именно я спрашиваю.

— Мы друзья.

— А со мной?

— А ты бы как назвала?

— Что за еврейская манера отвечать вопросом на вопрос!

А он лишь улыбается.

— Я не знаю, — отвечаю.

— Как и я. Иногда стоит перестать анализировать каждый шаг и просто поплыть по течению, не задумываясь, к какому берегу тебя прибьет — так интереснее.

По дороге домой я проверяю телефон и вижу неотвеченные вызовы от мамы. Черт! Пишу сообщение, что скоро буду. Но она тут же перезванивает.

— Ну и где тебя носит?

— Уже еду домой!

— Ты время видела?

— Мам, извини, засиделись у Маши.

— А позвонить предупредить?

— Выпало из головы, совсем не следила за временем.

— Хоть бы трубку брала, Алиса! Уже Маше собиралась звонить.

Я похолодела. Если бы она успела позвонить Фомичевой...

— Да скоро буду, уже на нашу улицу заехали. Всё. Пока.

Я кладу трубку, потому что Звягинцев останавливается у подъезда.

— Такая врушка, — смеется он. Кладет руку мне на затылок, наклоняется и притягивает меня к себе. И целует. Мы целовались, но только во время секса, то были поцелуи страсти, глубокие и жадные. Сейчас он мягко касается губ, втягивает мою нижнюю губу. Так нежно и аккуратно. Его поцелуй, как сладкая вата в парке, как легкий бриз у моря, как первый солнечный луч утром.

Он не дает мне отстраниться. А я и сама не хочу, но вина перед мамой сейчас сильнее. Она волнуется.

— Мне пора, — шепчу.

Артём отпускает меня.

— Держи, — он протягивает мне тетрадь.

— Философия? — я удивлена.

— Эксклюзив в единственном экземпляре.

— Ты ж говорил, что не дашь, — мне и правда не верится.

— Но дал. Я ужасно милый, правда?

Счастливо смеюсь.

— Маше не забудь дать. До понедельника.

Я хочу спросить, какие у него дела в выходные. Но не решаюсь. Наверное, сказал бы сам, если бы считал необходимым.

Дома мама снова возмущается моей безответственностью. Я снова повторяю ту же историю. Чувствую жуткую вину за ложь. Но правда хуже.

— Есть хочу, — говорю, когда мама закончила меня отчитывать.

— Кто голодным из гостей приходит? — шутит мама. — Отбивные есть.

— Отбивные ночью?

— Имеешь что-то против?

Качаю головой, я действительно проголодалась.

Вытаскиваю одну отбивную и прямо так ем, даже не разогревая.

— У Маши вроде другая машина была... — мама выглядывает в окно. Я подсакиваю.

Фух, уже уехал, хорошо.

— Да это Машин друг детства, подвез нас.

Я не верю, что выйдет что-то хорошее у меня с ним, и маме нет смысла знать об Артёме.

— А-а, ясно, доедай и спать ложись, утром надо к бабушке съездить забрать соленья.

Беру телефон, чтоб поставить будильник, и вижу, что Фомичева писала, спрашивала, как я добралась. Радуюсь, что ей не пришло в голову начать меня разыскивать, раз я ей не ответила сразу.

Пишу «Нормально» и понимаю, что не нормально. Вообще не нормально. Но хорошо или плохо — еще не знаю.

— Я буду участвовать! — сообщает Маша, как только начинается пара. Знала, что я буду ворчать, специально дождалась, чтоб я не смогла нормально ответить.

— Ты же не хотела! — шепчу, стараясь, чтобы Попов этого не заметил, иначе земля мне пуховик.

— Захотела. Поможешь с видео?

Продолжить у нас не получается, Дмитрий Сергеевич начинает диктовать лекцию.

— Я так-то уже обещала помощь Каримовой, — говорю по окончании лекции, пока собираем вещи.

— Малыш, а как же я? Я же лучше собаки! — продекламировала Маша, тщетно пытаюсь скопировать Карлсона. Но сегодня ее потуги меня не берут. У меня перед глазами проплыл календарь, шелестя листочками и наглядно демонстрируя, как мало времени осталось до сессии.

— Я обещала! — не могу скрыть раздражение в голосе. — Маняш, а что раньше тебе мешало решиться? Ты в курсе, сколько времени осталось до конца приема заявок?

— Сколько?

— 9 декабря — крайний срок.

Маша лезет в календарь на телефоне.

— Это 4 недели! Успеем!

Я понимаю, что подруга даже мысли не допускает о моем отказе. И я не хочу отказываться. Но почему нужно было столько тянуть?

— А почему Звягинцева не попросишь? — делаю последнюю попытку. — Он явно сможет сделать круче.

— Али-и-ис, — хнычет Маша. — Не могу. Он меня убьет, когда узнает, что я решилась.

— Почему?

— Будет участвовать Ирка Махонина, — вздыхает подруга.

— Кто это?

— Пятикурсница с журфака... — на мой непонимающий взгляд Маша добавляет. — Та блонди, что висла на Юре на его днюхе.

Понятно.

И я соглашаюсь. Не то чтобы у меня был выбор...

После следующей пары я вспоминаю, что нужно отдать Маше философию. Достāju свою тетрадку, в которую я уже переписала из Звягинцевской лекцию.

— Держи.

Глаза Маши округляются.

— О-о-о, это то, о чем я думаю? Где добыла?

— Места надо знать!

Я не знаю, стоит ли говорить ей. Она ведь задастся вопросом, почему ей Артем так и не соизволил одолжить лекции, а мне отдал? За какие такие заслуги? А я не готова сейчас это обсуждать. Маша слишком романтична, надумает себе того, чего и в помине нет. А то и меня розовыми мечтами заразит.

— Русланчик, что ли?

Я не стала опровергать ее теорию.

— Хитрюга ты, Лиса Алиса! — хихикнула Фомичева.

А после пар Каримова поймала меня на выходе и сказала, что уже почти все видео готовы и на днях она мне всё скинет и распишет идею.

Грядет аврал.

Я плюхнулась в Машин «Мерседес».

— Ты же понимаешь, что теперь до конца года обязана меня возить, Мария Сергеевна?

— Так не интересно, я-то думала, что обязана на тебе жениться.

— Нет уж, тогда ты мне вообще на шею сядешь!

Мы выехали с парковки.

— Мне на работу, — сообщила и разблокировала телефон, чтобы проверить время.

Увидела значок уведомления инстаграма.

«Когда освободишься?» — гласило сообщение. А также у меня появился новый подписчик... Я аж вспотела от такого расклада. Что происходит вообще? И что он имел в виду? Освобожусь из университета? Про работу он же не знает.

«Пары закончились, еду на работу». Хотела написать время окончания смены, но не решилась. Господи, я такая трусиха!

«А когда заканчиваешь работу?»

«В 19:00».

«Адрес».

Ну и что, блин, это значит?

«Комсомольская, 10».

— Кому строчишь? — подала голос Машка.

— Да Каримова пишет.

— По поводу видео?

— Да, она уже почти закончила. Ты бы тоже не затягивала, женщина!

— Я всё уже придумала, на выходных всё сделаю!

Я только покачала головой.

— Верь мне, бро! Разве могу я тебя подвести?

— Маняша-Маняша...

Моя смена подходила к концу, когда я заметила вдалеке Руслана. Черт, он опять меня ждет? Я переделалась быстрее, чтобы попробовать проскользнуть через другой выход. Но бесполезно.

— Привет, Алиса!

— Руслан? Какими судьбами? — мое удивление получилось вполне натуральным.

— Да вот покупал новые наушники, старые — мои любимые — уронил на паре, а Пашка взял и раздавил их. Искал такие же, а нет, представляешь? Даже похожих не нашел...

— Ясно, ладно, я пойду...

— Давай провожу, на улице уже темень!

— Нет, спасибо, меня ждут.

— А-а-а... — протянул Руслан. Я воспользовалась заминкой и дала деру. А он крикнул мне вдогонку. — А кто?

Я проигнорировала его вопрос.

Вышла на парковку. ТРК был небольшой, но всё же растерялась при виде полной парковки. Где его искать? И искать ли вообще? Достала телефон, но сообщений не увидела. Самой написать?

Пока гипнотизировала телефон, возле меня остановилась сине-фиолетовая «Мазда».

— Привет, — весело произнес Артём, когда я расположилась на сиденье. Даже как-то непривычно видеть его таким рядом с собой.

— Привет.

В зеркало заднего вида заметила Кашина

— Блин, — произнесла себе под нос.

— Что?

— Да там староста третьей группы... Похоже, видел нас.

— И? — никакой эмоции в его голосе я не услышала.

— Да так...

Артём останавливается на парковке у моего дома.

— Спасибо за философию, — достаю его тетрадь из рюкзака. — Ты спас наши жалкие жизни.

Поднимаю взгляд и замираю. Улыбаюсь. Ведь он тоже смотрит на меня с улыбкой. Никак не могу осознать эту его перемену. Что он может смотреть на меня и улыбаться. А мне хочется зажмуриться от того, какой же он красивый. Задвигаю на задний план мысли о собственной внешности после насыщенного дня.

— Оставь, есть подозрение, что еще понадобится.

Смеюсь.

— Да, это точно. Спасибо.

— Лиса?

— А? — я отрываюсь от утрамбовывания тетради обратно в рюкзак.

Он стягивает мою шапку и пробегает пальцами по волосам. И даже от такого прикосновения я покрываюсь мурашками. Смотрю на его губы, предвкушая, надеясь. Но этот засранец лишь улыбается и сидит неподвижно. Хочу быть смелее. Хочу сама потянуться к нему.

— Лиса, — снова зовет он.

— А... Артём, — я чуть заикнулась. И он заметил, улыбнулся еще шире.

— Что-то хотела?

Издевается!

— Ничего. Спасибо, что подвез. Пока, — протараторила и потянулась к замку.

Он только вздохнул, положил ладони мне на плечи и развернул к себе. Перенес руку на затылок, притянул.

— Не так быстро, Лиса, — выдохнул мне в губы. И наконец-то поцеловал. Всё, можно умирать.

Я забыла, что на улице ледяной ноябрь. Сейчас я целовала солнце. Он обхватил мои щеки ладонями, и я повторила его жест. Мне понравилось ощущение под пальцами. Обвела линию челюсти. Он улыбнулся мне в губы. Разорвав поцелуй, он уткнулся мне в шею, щекоча дыханием.

Святые пирожочки!

Пора линять, иначе я прямо сейчас закрою гештальт и попробую секс в машине. Но на мне слишком много одежды, это будет чрезвычайно нелепо и смешно.

— Иди, иначе я за себя не отвечаю!

Я смеюсь. Нехотя отодвигаюсь, открываю дверь и совершенно неграциозно выбираюсь.

— Лиса.

Заглядываю обратно в салон. Он протягивает мою шапку. И пока я за ней тянусь, снова целует меня. Я счастливо вздыхаю.

Мы всё же прощаемся.

Позже, принимая душ, замечаю, что месячные (какое счастье!) начались. Радостно смеюсь.

— Ты что там ржешь? Освобождай ванну уже! — орет под дверью Аринка.

Закончив водные процедуры, пишу радостное известие Звягинцеву.

«Выдохнула?))»

«Теперь да».

Я перехожу на аккаунт Артёма и подписываюсь. Чувствую себя сталкером каким-то, но всё равно просматриваю все его фото.

Пятница ознаменовалась посещением «Малибу». Ни один мой аргумент не помог, Маша всё же вытащила меня. Уныло изучаю меню. Здесь не запредельно дорого, но цены выше процентов на тридцать, чем в «Рокки». И как Маше каждый раз удается меня на что-нибудь уговорить?

Особенно сэкономить не получится, и тыкаю в первый попавшийся коктейль.

Здесь должен быть Терновский. И поэтому мы тут. И плевать, что я бы предпочла сейчас быть в другом месте. Да и мама уже ворчит за слишком частые гулянки.

Артём сегодня молчал. Наверное, еще и поэтому я согласилась. Надеюсь либо отвлечься, либо встретить его здесь.

Всю неделю мы пересекались только в коридорах. Я видела, что он очень занят. Но по вечерам он находил время написать мне. Мы обсудили, что все-таки нужно досмотреть «Ванпанчмена», иначе «осознание невыполненного дела будет преследовать нас всю жизнь». Вчера он выложил в инстаграме фото окна своей гостиной. Сквозь стекло виднелось серое облачное небо и падающий снег. И подпись: «Окно всё решает». Я сидела и пялилась на этот пост. И улыбалась как идиотка.

Открываю директ, пролистываю наши сообщения. Хочу написать ему, но не знаю что. Правду, что я соскучилась? Пальцы зависают над буквами. Мне все еще неловко. И немного страшно.

Закрываю инстаграм.

— Подойду поздороваюсь? — кричит Маша сквозь музыку и показывает на столик метрах в десяти от нашего. Вижу там Терновского, той блондинки не видать.

Я киваю. Как будто мой запрет ее бы остановил.

Злата с Мишей уже трутся друг об друга на танцполе. И я остаюсь одна. Вообще-то здесь определенно круче, чем в «Рокки». И местный диджей явно больше понимает в хорошей музыке. Потягиваю коктейль и наблюдаю за публикой.

Машино появление у столика Юры встречено довольно радостно, кто-то даже обнимает и чмокает в щеку. Фомичева сегодня выглядит особенно хорошо, вся сияет. Это невозможно не заметить. Она перебрасывает свои длинные светло-каштановые волосы с одного плеча на другое, и Терновский следит за ее движениями.

Я перевожу взгляд на экран телефона. Пусто. Снова открываю чат, пялюсь на строку ввода и не могу нажать ни одну кнопку.

Что бы я написала? «Привет, как дела?» Он ответит «Нормально», и что дальше? Е голове вакуум. Маша бы точно знала, что написать.

«Я соскучилась», — слишком честно. Еще не готова так обнажить душу. Очень боюсь, что возлагаю слишком большие надежды. Вдруг я тороплюсь? Вдруг он по-другому смотрит на то, что происходит?

Настроение окончательно падает куда-то ниже уровня моря. Вижу, что Маша уже расположилась возле Терновского. Что ж, мне здесь делать нечего.

Пока жду официантку, чтоб рассчитаться, возвращаются Кошелева и Шварц. Злата останавливается и оглядывается. Замечает Машу и Юру.

— Попудрим носик? — перекрикивает она музыку.

Я киваю.

— Не злись на Мари, — произносит Злата, поправляя макияж у зеркала. Это сказано будто между прочим, но она смотрит на меня через зеркало с неприкрытым беспокойством. — Мари такая... если влюбилась — всё!

Кошелева знает, о чем говорит, они дружат очень давно.

— Остается только жевать попкорн и ждать, чем всё это закончится.

Она поворачивается и заглядывает в глаза. А мне хочется плакать.

— Не могу на нее такую смотреть.

— Я тоже, — Злата грустно улыбается. — Но поверь, мы с тобой ничем не поможем.

— Как она может его любить?

— В этом вся Мари... Мы с Мишей уезжаем, давай отвезем?

— Спасибо.

И пока я иду обратно к столу, приходит сообщение: «Можешь приехать?» Обрадовалась как последняя дурочка. Блокирую экран, боясь, что Злата увидит.

— Слушай, я наверно еще посижу.

— Да ничего с ней не случится, — Кошелева по-своему трактует мое желание остаться.

— Я всё же останусь...

— Ну как хочешь. Но Мари там надолго, — Злата кивает в сторону столика, где сидит Маша. В итоге пожимает плечами на мое упрямство. — Ладно, тогда пока.

Идет и прощается с Машкой, подхватывает Шварца и удаляется.

Я пишу лаконичное «Ок» и выжидаю еще минут 10. Не застаю Фомичеву и Терновского на месте и ухожу, не прощаясь.

В такси думаю, есть ли причина, по которой он попросил меня приехать? В голову ничего не приходит.

Артём встречает меня у подъезда и расплачивается за такси. Таксист странно на меня посмотрел. Но мне всё равно, что он там подумал. Мое сердце сейчас стучит где-то в горле. Мы поднимаемся, держась за руки. В квартире он снимает с меня шапку и расстегивает пуховик. Мне кажется, я смотрю на него как влюбленная дурочка. Одновременно хочется и отвести глаза, и продолжать смотреть как можно дольше. Хочу навсегда запомнить эту его солнечную улыбку и хитрые искорки в глазах. В такие моменты мне кажется, что мы обречены и скоро всё закончится. Не могу отогнать этот страх.

Сняв куртку и ботинки, прохожу в комнату.

— Ты быстро добралась, — говорит Звягинцев и обнимает меня со спины.

— Мы были в «Малибу».

Я закрываю глаза, наслаждаясь теплотой объятий. Его дыхание щекочет мне макушку. Кладу свои ладони на его, лежащие на моем животе.

— Вы же не ходите в «Малибу»...

— Ну да. Но сегодня там веская причина.

— Какая?

— Терновский.

Артём вздыхает и целует мою макушку.

— Я соскучился, — шепчет мне прямо на ухо. Так просто, будто ему ничего не стоит произнести эти слова.

— Я... — я краснею и бледнею одновременно, надеюсь, ему там из-за спины не видно, — тоже.

— Что?

Я молчу, не в силах снова произнести.

— Что ты там пробормотала?

Его руки поднимаются с живота и начинают меня щекотать.

— Ну-ка повтори!

— Нет! — я хохочу и извиваюсь, но не могу выпутаться из кольца его рук. Он оттаскивает меня к дивану, продолжая щекотать.

— Давай говори!

— Ладно! — он не останавливается, и я верчусь как уж на сковороде. — Ладно-ладно!

Я тоже соскучилась!

Моя попытка прекращается. Мы лежим на диване лицом друг к другу.

— Так-то лучше. Не спросишь, чем я занимался всё это время?

О, я бы столько отдала, чтобы это узнать! Даже не думала, что имею право спрашивать.

— Наверное, чем-то важным?

— Делал курсовую. Хочешь посмотреть?

Я киваю.

Прежде чем добираемся до ноутбука с проектом многоэтажного дома в стиле ар-деко, мы долго-долго целуемся.

— Лиса, — слышу голос Артёма из спальни. Ему опять позвонил какой-то неугомонный, наплевавший на позднее время одногруппник, все еще не доделавший курсовую. Чтобы не мешать, я ушла к своему любимому окну и зависла, глядя на замерший в ночи город.

Медленно возвращаюсь в комнату и встаю в полуметре от сидящего на кровати парня. Он смотрит на меня, склонив голову. Делаю шаг и замираю, когда его руки приподнимают мою футболку и обнажают живот. Артём оставляет ниже пупка несколько долгих поцелуев. Этого достаточно, чтобы внутри образовался тугой комок желания.

Но Звягинцев никуда не торопится, мучительно медленно расстегивая на мне джинсы. Останавливает мои руки, когда я пытаюсь ускорить процесс.

Звенящую тишину нарушает лишь шум кулеров в работающем ноутбуке и мое тяжелое дыхание.

Тягуче плавными движениями меня избавляют от одежды. Я всё еще стою между коленями Артёма, ноги подрагивают, кажется, я сейчас упаду. Но с невероятной легкостью я вдруг оказываюсь на лопатках, а Звягинцев стоит надо мной, снимая с себя футболку, у меня перехватывает дыхание от его кошачьей грации в этот момент. Раздвигаю ноги, и он не заставляет себя ждать: подхватывает меня под колени, затем неторопливо проводит большим пальцем по влажным складкам. Подаюсь бедрами вперед, но он властным жестом размещает ладонь у меня на животе, пригвозждая к месту и не давая сдвинуться. Его язык оказывается на клиторе, и я забываю, кто я, где я и зачем я. Не замечаю, как вцепилась в простыни, как мелко трясутся ноги, как хаотично дышу. Я сейчас вся сосредоточена там — внизу своего живота и под языком и пальцами Артёма. Это невыносимо прекрасно, хочется, чтобы эта попытка закончилась, и длилась бесконечно.

Ощущаю его губы на своих, чувствую свой собственный вкус. От этого в животе всё до боли сжимается, пытаюсь дотянуться до пуговицы на его джинсах, но он опять перехватывает мои запястья, немного медлит, а потом тянется к тумбочке и достает оттуда наручники с мехом.

Я смеюсь. Он хитро улыбается и быстро застегивает их на мне. Видимо, сегодня моя

инициатива не поощряется.

— Господи, откуда... — я прерываю свой вопрос стоном, потому что Звягинцев ощутимо прикусывает мой правый сосок.

Артём словно куклу переворачивает меня на живот. Теперь я почти беспомощна — руки в наручниках подо мной. Чувствую его губы, прокладывающие дорожку вдоль позвоночника от моего затылка до поясицы. Невесомые поцелуи и ощутимые прикосновения — к плечам, ребрам, бокам. Слышу шорох снимаемой одежды, вернее, ее остатков.

Укус за ягодицу. Дергаюсь. Сил терпеть больше нет, мне нужно почувствовать его внутри.

— Если ты сейчас же меня не... а-а-а...

Он снова меня кусает. Затем приподнимает мои бедра и пошире разводит колени.

— Артём! — мне хотелось звучать требовательно, но в итоге больше похоже на мольбу.

— Ты очень нетерпеливая, — произносит он и наконец-то входит в меня.

Мне немного неудобно, руки уже затекли, но всё меркнет под напором ощущений. Его темп не медленный, но и не резкий — такой, как надо. Даже не думала, что могу ощущать всё так остро. Сдерживаться уже не получается, и я становлюсь очень громкой.

В какой-то момент он входит еще глубже, а затем подхватывает меня под грудь и поднимает, заставляя спиной опереться на него. Наше дыхание и сердцебиение переплетаются в единой целое. Артем сжимает мою грудь и продолжает двигать бедрами. Я теснее прижимаюсь к его груди и через секунду откидываю голову ему на плечо, через все тело прокатывается волна оргазма. Я не в силах пошевелиться, Звягинцев крепко меня держит еще несколько секунд. И его хватка ослабевает. Мы стоим на коленях, прижавшись друг к другу, пытаюсь отдышаться. Он уткнулся мне в шею и щекочет мокрыми прядями волос.

Мы синхронно падаем на кровать, которая, не ожидая от нас такой подлости, звонко скрипит, мне смешно, но нет сил рассмеяться.

— Простите, соседи, — выдает Звягинцев, подтягивая меня в свои объятия.

— Ты же говорила, что умеешь готовить! — Звягинцев прошлепал на кухню со все еще влажными волосами после душа. Ну почему я после душа выгляжу как мокрая кошка, а он словно боженька?

— Готовить — да, колдовать — нет. Ты видел содержимое холодильника? Не хочешь, мне больше достанется!

Я усаживаюсь за крохотный столик этой крохотной кухни. Даже в нестандартных домах советские строители делали стандартные маленькие кухни. Пододвигаю себе вторую тарелку с яичницей, но Артём тут же забирает ее себе.

— Эх, я всегда мечтал о девушке-ведьме.

— А досталась грязнокровка? — усмехаюсь, уплетая завтрак.

— Ну с волшебной палочкой ты неплохо справляешься...

— А-а-а, — я закатываю глаза. — Только не такие дурацкие эвфемизмы!

Мы синхронно смеемся.

— Ладно, в другой раз придумаю что-то получше.

— Только не нефритовый жезл!

— За кого ты меня принимаешь! Императорский жезл!

— Боже! — я закрываю лицо руками.

— Богатырь?

— Нет-нет-нет...

— Меч Эроса?

— Господи, откуда ты этого набрался?

— Голодный дракон!

— Что?! — я всхлипываю от смеха.

— Флейта любви!

— Хва-а-атит! Ешь уже!

Утро встретило меня снегопадом за окном. И объятиями. И поцелуями в шею. И потому мы завтракали уже ближе к обеду. А ведь я хотела уехать вчера. Но Артём вручил мне в руки мой телефон и безапелляционно заявил, чтобы я позвонила родителям. Да-да, я соврала, что после клуба поеду к Маше.

— Сделаешь свой широко известный в узких кругах кофе?

— А что мне за это будет?

— О, не переживай, тебе за это совершенно ничего не будет, не бойся!

— Госпожа Аникина, вы только что подписали себе приговор, — Артём встает, вытаскивает меня из-за стола, разворачивает и прижимает к холодильнику. Смотрит на меня сверху вниз, наклоняется. Наши носы почти соприкасаются.

— Могу позвонить адвокату? — я улыбаюсь и закидываю руки ему на шею, смыкаю в замок под еще влажными волосами.

— Никаких звонков, вы теперь заключенная, госпожа Аникина.

Позже я проверяю мессенджер и вижу сообщения от Машки.

«Лисонька Алисонька, прости дуру грешную! Я плохой друг. Можешь позвонить и всё высказать мне, обещаю соглашаться и молить о прощении!»

«Ну прости!»

«Как добралась?»

«Я засранка?»

«Ты дома?»

«Я приеду, хочешь?»

«Привезу “Красный бархат”!»

Ну и как на нее злиться?

Последнее сообщение пришло буквально 10 минут назад. Черт, надеюсь, она не приняла молчание за знак согласия! Пишу, что всё хорошо и я у бабушки в гостях. Маша тут же перезванивает.

— Я прощена? Ну скажи «да»!

— Да.

— Всё нормально? Добралась хорошо? Злата сказала, что ты не поехала с ними...

— А да... Думала, что стоит еще побыть. Но у тебя там вроде всё окей было...

Я жмурюсь от своей лжи.

— Ну не то чтобы окей.

— Что случилось?

— Ну вроде поначалу все хорошо, мы разговаривали, танцевали. А потом он уехал!

— Просто взял и уехал?

— Ага, представляешь? Ты бы видела мое лицо, когда я ушла в туалет, вернулась, а его нет. Что за хрень?! Написала ему, что он мудака!

— Он прочитал?

— Неа. До сих пор.

— Маша? — спросил Артём, когда я вернулась из спальни в гостиную, где мы смотрели «Заводной апельсин».

— Ага.

— Что говорила?

— Что Терновский мудака.

— Да ладно, она догадалась?

Мы оба невесело рассмеялись.

— Спрашивала, как я добралась, — я выразительно смотрю на Звягинцева.

— И как ты добралась?

— Пока никак.

Дома я оказалась только к вечеру. И мы еще с полчаса просидели в машине. Я давно не чувствовала себя такой счастливой. И так страшно рассказать кому-то. Будто от моих слов всё может исчезнуть. Я не могла осознать, что мы вместе. Или поверить. Еще месяца полтора назад я не существовала на радаре Артёма Звягинцева. Что изменилось? Я-тс осталась, какой была. Маша бы сказала, что у меня комплексы и тотальная неуверенность в себе. Наверное, так и есть.

Мама спросила, как повеселились и что делали сегодня. Я отделалась общими фразами. Несколько раз чуть не сказала про Артёма. Но поняла, что маме я точно не могу о нем сказать. Не могу сказать всей правды — по факту у нас даже не было чего-то отдаленно напоминающего свидания. Хоть и чувствую, что между нами что-то более важное, чем просто секс.

Я отрываюсь от курсовой, чтобы посмотреть сообщение от Артёма. Там фото его рабочего стола с ноутбуком и кучей чертежей, кружкой кофе, карандашами. И бьющийся об стену смайлик.

«Аналогично, — пишу ответ. — Держись, осталось всего ничего: месяц учебы, сессия, потом каникулы. Потом еще 5 месяцев потерпеть. Потом еще три года, и выпуск».

Заглядываю в мессенджер — Маша и Злата за все выходные не написали ни одного сообщения. Мне было не до того, и я не обратила внимания. В пятницу и субботу я работала — одна из девочек заболела и я взяла ее смены. В субботу после работы меня забрал Артём. Мы сходили в кино и зашли в канцелярский магазин за материалами для макета для курсовой.

Мама начала подозревать, что я с кем-то встречаюсь, а потому соврать, что ночую у Фомичевой, не получилось. Арина язвит, что только какой-нибудь недалекий может со мной встречаться. Я знаю: это для того, чтоб я проговорилась. И молчу.

И всё же, чем занималась Маша? Злата-то понятно — Шварцем.

Проверяю чат «Бандиток».

«Так будет пара или нет? Алиса!»

Эм-м, что? Листаю вверх. Каримова написала, что Розочка заболела и первой пары не будет. Ей возразили, что раз Алиса не написала, значит, изменений нет. Каримова парировала, что ей сказала Аня Пирожкова, староста второй группы. И всё это вылилось в выяснение отношений на 70 сообщений.

Черт, а я ведь и правда забыла, что философичка заболела. Вообще вчера вылетело из головы с этой работой и кино.

«Ребят, сори, выпало из головы. Завтра и правда не будет первой пары».

«Хорошо хоть не завтра написала!»

«Ну всё, беги в клуб, еще успеваешь!»

«Я чуть спать не легла пораньше!»

Вот язвы!

«Как всё прошло?» — приходит сообщение от Златы в наш чат. О чём она?

«Что?» — пишу я.

«Это я у Мари спрашиваю».

Я жду ответа Маши. Неужели опять незабвенный Терновский случился? Фомичева отвечает минут через 10. Из их со Златой диалога узнаю, что всё так, как я и подумала: «Малибу», Маша, Злата, Миша, Юра и еще куча не знакомых мне людей. Что ж, меня они даже не подумали звать. Я пытаюсь найти девчонкам оправдания: они собрались спонтанно; пошли опять в «Малибу», который я не жалую; в конце концов, там опять мудака Терновский — Маша понимает, что я не очень хорошо к нему отношусь. Я бы в любом случае отказалась.

Но так обидно, что мне даже не предложили...

«Слушай, Тёмыч-то отказался идти с нами. А Генка сказал, что видел его в кино с девушкой!»

Я холодею. Кто-то нас видел...

«Серьезно?!»

«Ага, он не разглядел, но какая-то брюнетка вроде».

«Вот засранец! И молчит!»

«Может, они не встречаются?»

«Ну да, а в кино просто так сходили, от нечего делать!»

«Хотя Мишаня говорил, что Тёма в прошлые выхи отказался с ним на бокс сходить...»

«Ну вот! Всё сходится! Щас напишу этому партизану. Как так, почему мы не знаем еще?»

Я порываюсь что-то написать, но не знаю что. Меня потряхивает. Мне просто страшно. Страшно, что кто-то узнает, как сильно он мне нравится, как сжимается мое сердце, когда вижу его. Как комок стоял в горле, когда он сказал, что я ему нравлюсь. Это было сказано между делом и, наверное, не значило то, что я бы хотела. Но тот короткий миг будто выжжен у меня в мозгу большими буквами.

«Ну вот, а я хотела его Лисе Алисе всучить. Та еще парочка была бы!» — высветилось сообщение от Маши.

Я смеюсь, читая это. И размазываю слезы. Не могу понять, шутит Маша или нет. Хочется, чтобы она правда так думала.

— ...Смотрит все мои сторис. Вот зачем? — мы пробираемся к столовой, Маша опять рассказывает про Терновского. Ловлю себя на мысли, что я безусловно хочу знать, что происходит у подруги. Но я так устала от этого Терновского. Не понимаю, как Маша не устала? Достāju телефон и вижу 5 пропущенных от мамы.

Сердце сразу ёкает. Что-то случилось.

— Маняш, займешь место? Мне тут что-то мама пять раз звонила.

Мама отвечает только на второй звонок. И теперь я действительно нервничаю.

— Алиса, можешь приехать? — мамин голос совсем не похож на обычный.

— Что случилось?

— Я тут натворила дел... — она всхлипывает.

— Мам! У меня еще пара. Что случилось?

— Я еще сама до конца не понимаю... Кажется, меня обманули.

— Кто?

— Ну позвонили по телефону. Я даже подумать не могла! Сейчас поеду в полицию. Приезжай, пожалуйста, встретить Арину из школы.

Понимаю, что сейчас ничего не добьюсь. Бегу в гардероб за одеждой попутно слушая мамин сбивчивый рассказ. Всё банально до безобразия. Позвонили, назвали по имени и отчеству, сообщили, что якобы мошенники получили доступ к ее счету.

Тот день слился для меня в одно сплошное ожидание и ознаменовался вопросом, заданным три миллиона раз: «Да как так?»

Мама вернулась из полиции, к этому моменту папа уже тоже отпросился с работы и они поехали в банк. Я потом спрашивала: «Мама, ну ты ведь знала эту схему! Как попалась? Почему поверила, почему даже папе не позвонила?»

Она сама не могла объяснить, почему поверила, почему не подумала ни с кем посоветоваться. Почему не возникло мысли о неправильности всей ситуации. Она просто сделала всё, что ей сказали — взяла несколько кредитов в общей сложности на восемьсот тысяч рублей и перевела их на какой-то левый счет. Конечно, он уже пуст, конечно, номера телефона уже заблокированы. Только кредитные договоры лежат на столе.

Вечер закончился тем, что всей семьей пили валерьянку. Только лежа в кровати увидела сообщения от девочек и Артёма.

— Чего не пишешь? — Маша тыкнула меня ручкой в бок. — Списать не дам!

Она улыбается, а мне так хреново, что аж тошнит. Полночи не спала. Прокручивала и прокручивала ситуацию. Всё думала: а если бы я вдруг решила позвонить домой, могло бы всё сложиться по-другому? Знаю, что это бессмысленно, но ничего не могла с собой поделаться. Мама с папой весь вечер искали выход. Но у нас даже нет финансовой подушки — родители три месяца назад всё вытряхнули для покупки новой машины. Продать машину — не выход, больше потеряем на этом. Но и платить кредиты — сумма получается внушительная в месяц. Какая-то чертова западня. Безысходность.

Всё утро Арина рыдала — мама сказала, что ей придется оставить один из двух кружков. Мне жаль ее — она безумно любит и танцы, и занятия вокалом. Но после того как она всё утро истерила и отказывалась выбирать, мне просто хотелось ее прибить.

На первой паре меня посетила идиотская мысль — попросить денег у Маши. Мысль была настолько соблазнительной, что я почти решилась. Интересно, смогла бы Маша мне занять такую сумму? Вряд ли, конечно.

— Попов уже поглядывает на тебя с подозрением.

Маша снова ткнула меня. Я очнулась и принялась писать.

После пар заполняла кое-какие документы в профкоме, испортила несколько бланков, потому мысли мои были далеки от учебы, бумажек и конкурсов красоты. Я чувствовала, что мой мозг готов взорваться. Голова разболелась, хотелось просто лечь в кровать и никуда не вставать до Нового года.

Я вышла на улицу и пробиралась по хлюпающему снегу к остановке. Зима никак не могла наступить, то холодало и выпадал снег, то вновь приходило аномальное для конца ноября тепло.

Маршрутка уехала прямо у меня перед носом. Я вздохнула, уселась на скамейку и тут же вскочила. Оказалось, села прямо на малюсенького тающего снеговичка, сделанного кем-то прямо на лавочке. Господи, что за день!

Открываю инстаграм и пишу Артёму. Понимаю, что просто не хочу сейчас ни домой, ни на работу.

«Можно к тебе приехать?»

«Конечно».

До дома Артёма около трех остановок отсюда. Решаю сэкономить и идти пешком. Видимо, еще не скоро я забуду о вечной экономии.

Артём встречает меня горячим кофе и свежими брауни. Я чуть не плачу. Он спрашивает, что случилось, а я даже ответить не могу. Кажется, что всё ужасно, но тут этот кофе и пирожные... И я просто не могу.

Мы сидим в гостиной на диване — я у него на коленях. И просто молчим. Он обнимает меня так ласково и крепко, что я готова сидеть так до того момента, когда взорвется Солнце.

Он гладит меня по плечам, перебирает волосы на голове, целует запястья. Я уткнулась ему в шею и иногда коротко целую его где-то за ухом.

— Сейчас уже не кажется, что всё так плохо... — говорю и глубоко вздыхаю, втягиваю его запах, чтобы он растекся у меня по венам вместе с кислородом.

— Расскажи...

Я опять вздыхаю. И рассказываю. Мне становится еще немного легче. Может, я могу и Маше со Златой об этом рассказать? Не хочу, чтобы они поняли меня неправильно. Но Артём ведь понял...

Звонит телефон. Вижу, что это мама. Так не хочется портить момент. Но наверно меня потеряли.

— Алло, мам.

— Алиса, ты когда домой?

— Не знаю пока. А что?

— Да мы съездили в банк, там еще оказывается я кредитку оформила и страховку...

— Да что ж такое! Ты ее активировала?

— Нет.

— Слава богу, закрой ее.

— Мне сказали, что можно не закрывать, что всё равно пока не начну ей пользоваться, ничего не буду должна. А так она может мне пригодиться.

— Да закрой ее на фиг! Нам сейчас эти кредитки вообще никак не помогут! А что там со страховкой?

— Там сумма не сильно большая, но если сейчас расторгнуть договор, то процент по кредиту увеличится! Что делать?

— Час от часу не легче. Я приеду и прочитаю договор. Почему ты вчера об этом не сказала?

— Я не знала даже!

— Ладно, я поняла. Приеду, посмотрю.

— Когда вернешься?

— Скоро.

Я кладу трубку и хожу из угла в угол.

— Тебе нужно домой? — спрашивает Артём.

Мне хочется сказать, что нет. Не хочу домой. Мне так хорошо здесь. Не хочется возвращаться в действительность.

Но я говорю «да».

— Давай отвезу, — сухо говорит он. Я киваю.

Мы едем в полной тишине. Я хотела начать разговор, но не могла придумать ни одной темы. Все мои мысли были вокруг этих чертовых кредитов, денег и родителей. Уже возле дома я спрашиваю, всё ли в порядке. Я смотрю на лицо Артёма. Он какой-то напряженный, но что случилось, не могу понять.

— Всё окей, — говорит он и коротко чмокает меня в щеку.

Первый день зимы

— Не понимаю, почему именно я должна жертвовать? — вопила Арина всё утро на мою фразу, что в сложившейся ситуации нужно чем-то пожертвовать. — Может, лучше ты будешь поменьше тусить в клубах и зависать в пиццериях?

— Да я уже две недели нигде не была!

— Вот и продолжай!

— Вот и продолжу! А ты уйдешь с танцев!

— Нет!

— Тогда с вокала!

— Нет!

— Да!

Она снова испортила мне настроение, которое и так было где-то между отметок «средне-плохо» и «очень плохо». Выхожу на улицу и попадаю в зиму. За ночь город завалило снегом. Моя маршрутка опаздывает минут на десять. А на занятия я в итоге опоздала на полчаса. К счастью, не я одна. Самой последней на свою пару явилась Розочка. Ну нам хотя бы не пришлось оправдываться. Маша жаловалась, что еле откопала свою машину.

Мой взгляд постоянно возвращался к телефону. Маша заметила и спросила, что я там забыла. Говорю, что не могу дождаться конца пары.

Я написала Артёму вчера вечером. Сегодня утром, сразу как проснулась. И во время стояния в пробке. Ничего. Он не прочитал и не ответил.

Сглатываю, почему так тревожно? Чувствую же — что-то случилось.

Выхожу из директа на главную... и холодею. Наверное, я бы даже никогда не обратила внимания. Но после того как Артём подписался на меня, у меня в профиле появилась красивая цифра — 30 подписчиков. А сейчас стало на одного меньше...

Открыв список, убедилась — Артёма Звягинцева теперь нет среди них. Мне вдруг перестало хватать воздуха, а мир вокруг размыли слезы.

Не задумываясь, подняла руку и отпросилась в туалет. Там я облокотилась о стену, мне казалось, что я сейчас просто упаду. Я дала себе минутку, чтобы сгореть в отчаянии. Дольше такой роскоши позволить себе не могла. Засунула руки под ледяную воду и приложила к щекам.

У меня ведь даже его номера нет.

Я вернулась, обдумывая, спросить ли у Маши его телефон, а если спросить, как объяснить свой интерес?

Маша смотрела в окно, она выглядела уставшей.

— Вот и зима...

Произнесла она, когда я уселась на свое место.

— Да, зима, — согласилась я.

— Зимой всегда что-то случается.

Не знаю, о чём она, но я не нашла в себе сил просить. Вся я была сосредоточена на том, чтобы удержать слезы. Слабачка.

Кто-то играл в снежки на парковке, другие делали фотографии заснеженных деревьев, третьи валялись в сугробах. Я болезненно всматривалась в лица. И не находила того единственного, которое хотела увидеть. На парковке не видела знакомой машины.

Да что же случилось? Я что-то сделала не так?

— Подвезти? — Маша стояла на крыльце и смотрела в небо.

Что с ней? Что случилось? Почему она сама не своя?

Но я промолчала и не задала ни одного вопроса, потому что сама была той, кто хотел бы понять в жилетку друга.

— Нет, поезжай домой, ты выглядишь усталой.

Когда я доехала до торгового центра, замерзла так, что зуб на зуб не попадал и не чувствовала ступней — я до сих пор носила осенние ботинки. Извела себя теориями, мысли скакали с одной темы на другую: Артём, кредит, работа, деньги, снова Артём.

Каждые долбаные 5 минут смены тянулись словно час.

— Алиса! Привет! — до тошноты веселый Руслан перехватил меня возле выхода. — Я тут устроился на полставки продавцом, по вечерам работаю каждый день.

— Хорошо, — произнесла, только чтобы что-то ответить.

— Заканчиваем в одной время, давай буду провожать!

— Не стоит...

— Да ладно. Мне не тяжело. Seriously.

— Я не об этом...

— Темно, одной девушке не стоит ходить так поздно...

— Руслан, ты меня слышишь?

— Да.

— Я сказала: не хочу! Не надо меня провожать!

— Почему?

— Не хочу!

— Почему?

Он тупой?

— Просто. Не. Хочу!

Я прибавляю шаг и иду прочь. Этот день и так достаточно проверил меня на прочность.

Второй день зимы

За завтраком все сидели хмурые. Арина все-таки выбрала танцы и ушла с вокала. Теперь она была зла на весь мир. Особенно почему-то на меня. Будто это моя вина. Будто плохо только ей.

Я пила чай, смотрела и смотрела на телефон, закусывая губы до боли. Ничего.

— Ты не опоздаешь? — спрашивает мама. У нее синяки под глазами — наверняка тоже не спала полночи. Как и я. Папа вообще не приходил ночевать, взял дополнительную смену.

Я мотаю головой, смаргивая слезы.

— Нет, сегодня нет первой пары, — говорю и холодею от ужаса, я опять не предупредила группу. — Вот черт!

— Что?

— Да так, кое-что по учебе вспомнила.

Судорожно набираю сообщения в «Бандитках», хотя, конечно, уже поздно, наверняка кто-то уже вышел из дома.

«Алиса, че за фигня? Пораньше никак нельзя было сообщить?»

«Да блин, я уже еду!»

«Ну Алиса!»

«Хорошо, что я проспала...»

Когда я приезжаю ко второй паре, получаю несколько недобрых взглядов от одноклассников. И я их, конечно, понимаю.

— Как я могла забыть? — бормочу перед началом пары, выкладывая ручки и тетрадь из рюкзака.

— Что? — Маша смотрит на меня, но как будто не видит.

— Забыла написать, что первой пары не будет.

— А-а. Да ладно, ничего же страшного...

Возможно. Но это второй раз за всё время. Такого не было никогда. Чувствую себя бесполезной и безответственной.

— Маш! — хочу спросить ее об Артёме.

— Что?

— Тут видела Звягинцева, он какой-то не такой, у него что-то случилось? — я нагло вру. Но вряд ли она будет меня проверять.

— Не знаю, вроде всё в порядке... — Маша листает инстаграм, похоже, вообще не вникая в мои слова. Наверное, я могла бы ей сейчас во всем признаться, а она бы даже не услышала.

— М-м, ладно, хорошо. Наверное, показалось.

— Да что у него может быть не в порядке?! — бормочет она и яростно блокирует телефон, откидывая его на край стола.

После пар мы с Машей одевались в холле, и к нам подошла Лена Каримова.

— Алиса, извини, что я так затянула с видео. Никак не могли снять нормально одну часть. Я тебе отправила ссылку в вайбере на облако. Там все видео и описание, как должно выглядеть. Ты же сделаешь?

Я совсем забыла про этот чертов конкурс и видео.

— Сделаю, — подавляю желание закатить глаза и начать ворчать. Это всё

бессмысленно.

— Звони в любое время дня и ночи, если будут вопросы!

Она еще что-то говорит, но мой взгляд прикован к одному человеку, который идет через холл, ему придется пройти мимо нас. Кажется, время замирает.

Он так красив сегодня, что хочется потерять глаза. Волосы стянуты в высокий хвост, походка, как обычно, пружинистая и энергичная. Белый свитер крупной вязки удивительно идет ему. Он не выглядит, будто он не в порядке. В отличие от меня. Я точно выгляжу так себе — минуто назад я «любовалась» синяками у себя под глазами, когда надевала шапку перед зеркалом.

Артём проходит, дарит Маше легкую улыбку. И всё.

— Хорошо, Алис? Сделаешь, да?

Я киваю несколько раз, как китайский болванчик. На большее у меня нет сил.

Четвертый день зимы

Обида и непонимание. Вот и все мои ощущения в эти выходные. Обидно, что меня просто выкинули из жизни, ничего не сказали, не удостоили хоть какого-то объяснения. Не понимаю почему. Что могло произойти? Что я сделала не так? Или я вообще ни при чем?

Я просто не та? Не та, которая нужна? Не та, кто может поселиться в сердце и мыслях. Не та, которую стоит хотя бы предупредить...

Все выходные работала и мучилась с видео для Каримовой. Не понимаю, как у меня еще оставались силы хотя бы дышать.

Тру глаза и жму кнопку рендеринга — наконец-то моя работа окончена. Надо поторопить Машу с ее видео.

Проверяю чаты — тишина.

Набираю Машу, она берет трубку только со второго раза.

— Привет, ты спишь, что ли?

— Вообще-то да, — голос Маши действительно сонный.

— Извини...

— Да ничего, завтра поговорим, хорошо?

И она кладет трубку.

В груди легкие будто съежились в комок, не давая сделать вдох. Я хватаю себя за горло и закрываю глаза, чувствуя, как безумно медленно кислород начинает поступать в кровь.

Интересно, что еще случится этой гребаной зимой? Бросил парень — сделано, отдалась подруга — сделано, в семье гнетущая атмосфера — сделано. Остались еще учеба и работа.

И я понимаю, что хочу хотя бы знать, что происходит. Подойду завтра к Артёму и спрошу. Пусть найдет слова и скажет мне в лицо! А потом привяжу Машу к стулу и не отпущу, пока она не расскажет всё до последней мелочи, что гложет ее.

Пятый день зимы

Открываю тетрадь на чистой странице и пишу: «Что у тебя происходит?» Толкаю подружку плечом и киваю на тетрадь. Она выводит рядом вопросительный знак.

«Ты на себя не похожа».

Маша задумывается, потом пишет: «Всё то же».

«Рассказать не хочешь?»

«Ты же бесишься, когда я рассказываю про Юру!»

Демонстративно закатываю глаза.

«Когда вообще такое было? Я и бешусь?»

«Он тебе не нравится».

«Не нравится. Но это не значит, что я тебя не поддержу и что не хочу ничего знать!» — ставлю жирный восклицательный знак, протыкая страницу.

«Ладно-ладно, поняла!» — Маша пририсовывает рядом сердечки и улыбочки.

— Так что происходит? — снова задаю вопрос после пары.

— Кофе! Сначала кофе. Всё воскресенье спала, а ночью не могла уснуть.

— Всё настолько серьезно? — смеюсь я.

— Да. Или нет. Что я совсем с катушек съехала — это однозначно. Вот честно, сама себя бешу. Но как остановиться, не знаю, — Маша засовывает купюру в автомат. — Давай, дорогой, налей мамочке кофе. Ты будешь?

— Нет.

— В субботу папа с Ел Ол таскали меня на горячие источники...

— Сочувствую.

— Рано сочувствуешь. Угадай, кого я там встретила?

— Только не говори, что Терновского.

— Бинго!

— Да ладно?!

— Ага. Вот как так? В городе еще постараться надо пересечься с ним. А тут в месте для пенсионеров встретились!

— Че сразу для пенсионеров? Все любят погреть косточки.

— Может быть. Но только не Терновский. Ну на горнолыжном склоне, ну в тренажерке, но не в спа. В голове не укладывается. И самое главное, угадай с кем?

— С той блондинкой?

— Неа, с новой блондинкой.

— Дружище! — я сочувственно треплю Машу по плечу.

Она залпом допивает свою кофеобразную бурду и раскидывает руки в стороны.

— Утешительные обнимашки, двойную порцию, пожалуйста!

Я смеюсь до слез и обнимаю. Мы будем в порядке, несмотря ни на что. Плачу и снова смеюсь.

— А ты чего? — не разрывая объятий, бормочет Маша.

— Не знаю, просто всё как-то не так было. Ты такая вся печальная ходила. И мне тоже было плохо.

— Знаю. Извини. Нужно просто потерпеть. Надеюсь, когда-нибудь это кончится у меня.

А на следующей паре Злата написала в чат, что рассталась с Мишей. Фомичёва не

удивлена, в отличие от меня. Что ж, они эти дни общались теснее.

«Напьемся?» — пишет Маша в ответ.

«Сразу после пар, у меня», — ответила Кошелева.

Что ж отложу разговор с Артёмом до завтра. Всё равно это уже ничего не решит и спешка ничем не поможет. После пар пошла в профком, Маша передумала участвовать — «Какой смысл теперь?» — и попросила всё уладить. Встретила Руслана там, он пытался заговорить, но я успешно сбежала.

Еще издали заметила — вернее, услышала — что-то не так. Маша и Злата, как и условились, ждали меня возле «Бомжа», но с ними был Шварц. Он ругался с Кошелевой.

— ...хватит уже! Что тебя не устраивало? — я первый раз видела Шварца таким злым. Он был весь красный. И расстроенный. — Что тебе еще нужно?

— Да ничего уже! — Злата тоже на взводе, хотя и значительно спокойнее бывшего парня.

— А тебе вообще что-то надо было хоть когда-то?

— Когда-то да...

Я подхожу и встаю рядом с Машей, которая наблюдает за скандалом. Вся ее поза говорит о том, что если что, она готова ринуться в бой.

— И что же?

— Да что пристал? Всё, расстались уже, прими это!

— Не хочу!

— Меня не волнует, что ты хочешь!

— И никогда не волновало!

Злата фыркает, а Миша хватается за руку. Та пытается вырваться, но он держит крепко. Маша пытается помочь. Мы все хором кричим, чтобы тот отцепился.

— Достал уже! — срывается Злата. А ее бывший парень, кажется, готов схватить ее и утащить. Или придушить. На него страшно смотреть.

— Мишаня, хватит, — раздаётся за спиной мягкий голос Звягинцева, я и моментально покрываюсь испариной. Артём подходит и размыкает хватку Миши на руке Кошелевой. Другую руку Артёма держит девушка. Я моргаю. Узнаю в ней его прошлогоднюю девушку — дизайнер или кто она там. Отвожу взгляд, не могу на это смотреть. Понимание накрывает с головой. Вот и нет смысла выяснять отношения.

Артём увел Мишу. А Маша — меня и Злату.

— Он опять с Дорониной, что ли? — спрашивает Злата, усаживаясь за руль.

— Понятия не имею, — отзывается Маша.

Всю дорогу мы молчали. А когда приехали и взяли по коктейлю, Злату прорвало.

— Я такая дрянь... Но я правда думала, что он тот самый. Мне казалось между нами искра, химия, физика и все дела. Но нет. Я даже не сразу это поняла. Иначе всё бы так не затянулось.

— А он так не считает... — сообщила очевидный факт Маша.

— Знаю. Если бы можно было, я бы вообще не начала с ним встречаться.

— Всё так плохо? — спросила я. Ведь я почти ничего не знала, в отличие от Фомичёвой.

— Не плохо. Но я бы предпочла, чтобы ему сейчас не приходилось через это проходить. Миша — хороший парень...

— Но не тот?

— Не тот, — согласилась Злата. — И я бы хотела, чтобы был тем.

Мы дружно допили первый бокал, и Злата сделала нам новую порцию.

— Мне так жаль, — тихо произнесла она и смахнула слезу. — Он не заслужил это всё.

Я отпила огромный глоток, пытаюсь избавиться от тугого комка жалости в груди.

— Мне кажется, я вообще не способна любить...

— Ты способна любить. Ты же любишь нас! — горячо воскликнула Маша.

— Люблю, — Злата так просто признала этот факт, что я во все глаза уставилась на нее.

Что она любит Машу я знала, но не думала, что могу входить в число людей, которым симпатизирует Кошелева. — Конечно люблю. Как вас можно не любить?

— О, ну теперь и я собираюсь рыдать! — воскликнула Маша, вытирая слезы и улыбаясь.

— А тут никто, кроме тебя, и не рыдает, — съязвила Злата и тепло улыбнулась.

Посмотрела на меня — а я как раз попыталась незаметно стереть эту предательскую слезу. — Ах нет, вы обе решили затопить соседей.

— Лиса Алиса, включи-ка свой знаменитый грустный плей-лист, порыдаем все.

— А почему не мой? — спросила Злата, роясь в телефоне.

— Ох нет, Злата, только не твой, положи телефон. Ты же знаешь, у тебя отвратительный музыкальный вкус. Доверь это дело профессионалам.

Кошелева развела руками, позволяя мне быть диджеем.

И мы просто сидели, пили, молчали, слушали музыку. Каждый думал о своем. За окном темнело, мы не включали свет.

— Ничего не меняется, да? — спросила Маша и подняла бокал. — За нас, красивых и одиноких!

О да...

Седьмой день зимы

Руслан, видимо, из тех парней, которые не понимают намеков. И даже прямых отказов тоже не особо понимают. В очередной раз он дождался окончания моей смены и пошел меня провожать. Я плюнула и не стала надирать голосовые связки. Просто шла и не слушала, что он там вещал.

— Так ты не встречаешь со Звягинцевым?

— Что?

— Ну ты тогда с ним же уезжала? Вроде его машина была... Я решил, что, может, вы встречаетесь. Но видел его снова с Лизой Дорониной.

Он многозначительно замолчал.

— Мы просто... — господи, кто мы? — Просто друзья.

Что я еще могу сказать?

— М-м, понятно.

Я перестала слушать Кашина, мыслями возвращаясь к Артёму. Прошла только неделя. Семь бесконечно долгих дней. Как будто минула целая жизнь. Как будто всё это было не со мной. Как будто всё приснилось.

И всё же пока еще больно. Безумно больно, что всё кончилось. Каждую ночь не могу заснуть. Не могу перестать думать, перестать прокручивать всё в голове. Придумывая причины, оправдания.

Кожа еще помнит его объятья. Кажется, вздохну поглубже и почувствую его запах, протяну руку и коснусь его, подойду к окну, а он подойдет и обнимет со спины.

Снова по телу разливается тяжесть и хочется плакать. Но сдерживаюсь — Руслан не увидит мою слабость.

— Давай сходим в кино?

— А?

— В кино. Сходим?

— Мне некогда. Сессия же скоро.

Я могу ответить, что не хочу и не пойду с ним никуда. Но есть подозрение, что он опять проигнорирует мои слова.

— Ах да, сессия. Ну ты справишься, ты же умница.

Я киваю, и мне всё равно, видел ли он. Не могу говорить.

— А после сессии?

— Посмотрим...

День святого Валентина

В университете просто невыносимо. И я сбежала с последней пары. На улицах города гораздо меньше напоминаний о сегодняшней дате. На витринах магазинов встречалось тематическое оформление. Я прошла несколько остановок пешком, просто хотелось подышать и проветрить голову. Вспомнилась японская традиция дарить в этот день шоколад мужчинам. Решила купить сама себе шоколадку, выбрала самую большую с целой тонной орехов. Обожрись и умру в одиночестве.

В прошлом году с Машей и Златой мы ходили в клуб на вечеринку, посвященную тем, кто свободен. В этом году свободна только я. Мари совершенно внезапно пару недель назад начала встречаться с Юрой. В тот день нам со Златой позарез нужен был челюстедержатель.

Маша и сама не могла поверить несколько дней. И сегодня ее определенно ждет романтический вечер. Злата от нечего делать встречается с каким-то пятикурсником, она сказала, что мы можем даже не запоминать его имя. Но и она сегодня занята. Может, у нее всё будет не так уж романтично, но хотя бы весело и не одиноко.

Прошло два с половиной месяца. Могу ли я сказать, что всё в прошлом и забыто? Вряд ли, раз меня ночью разбудил, и я назову дату расставания.

Где-то под Новый год я пришла к дому Артёма. Решительно хотела поговорить. Но у подъезда мой запал иссяк. Я спросила себя, что же я хочу ему сказать? Что, кажется, люблю? Я даже у себя в голове не могла это произносить, что уж говорить про реальность... А что он мог бы мне ответить? Выдержала бы я правду, какой бы она ни была?

Я перешла дорогу и долго смотрела с другой стороны улицы на его окна — в них горел свет. В какой-то момент я даже увидела, как Артём прошел по комнате. Мое сердце забилося.

И я поняла, как всё это жалко.

Тогда, наконец, я ушла из старост. На удивление Лена Каримова с удовольствием взяла эту работу на себя. Сказала, что это будет ей плюсом на конкурсе.

После сессии я нашла работу официанткой в кафе недалеко от университета и небольшую подработку модератором на сайте по выходным. И зачеты с экзаменами прошли как по маслу. Будто госпожа удача решила мне компенсировать хоть толику всех неприятностей.

Деньги не бог весть какие, но вполне неплохо для довольно нежестких графиков на обеих работах. Я оставляла себе только на проезд и обеды, остальное отдавала родителям. Мама поотнекивалась для приличия, но я же знала, что эти гребаные кредиты были просто неподъемными.

Лучше бы у меня сегодня была смена, хотя бы была занята.

Дома я понежилась в ванной и одна слопала целую шоколадку, посмотрела «10 причин моей ненависти». Это не уняло тоски и не заполнило пустоту внутри.

И я сделала то, что обещала себе больше никогда не делать. Я нашла аккаунт Звягинцева и посмотрела все посты за эти месяцы. Их было всего два, один про сессию, другой — просто красивое фото заката. Ничего такого, что могло бы рассказать, как он жил всё это время. В сторис не было ничего. Тогда я нашла у него аккаунт Лизы Дорониной. Ее страничка была сплошь про творчество и моду. Лишь в сторис я увидела ее совместное фото с Артемом. Они выглядели счастливыми.

Знала ведь, что не нужно в это лезть. Теперь сию размазываю слезы.
Не хочу больше пребывать в таком плачевном состоянии.
Обещаю себе, что это был последний раз.

За 6 дней до следующей зимы

— Смотри, — Маша указывает на медленно проезжающую мимо окон БМВ ярко-лазурного цвета, пока я ставлю на стол заказанный ей кофе.

— Машина твоей мечты? — усмехаюсь я.

— Нет, в такой цвет я хочу тебя покрасить!

— Меня?

— Тебя-тебя!

Я фыркаю, но, пока принимаю новые заказы, обдумываю эту мысль. Пытаюсь найти аргументы против. Их нет.

— Знаешь, отличный выбор цвета, — бросаю я, проходя мимо ее столика и унося грязную посуду с соседнего.

— Я знала, что ты согласишься!

Сегодня я полсмены подменяю коллегу. И когда рабочий день наконец заканчивается, Маша везет меня в свой любимый салон красоты и долго мучает мастера, объясняя, что должно получиться у меня на голове.

Спустя три часа я вижу в зеркале какое-то инопланетное прелестное создание. Маша пищит от восторга и делает не меньше трех миллионов фотографий меня.

— Злата офигеет! — повторяет она в третий раз, а потом интересуется, не выгонят ли меня из дома.

Я отправляю маме фото, на что она пишет, что мне идет, и спрашивает, сколько это стоило. Я называю только часть суммы. И я даже не уверена, что сумма, названная мастером, тоже полная. Подозрительно приемлемая цена. Но от Фомичёвой я не добила никакой информации.

— Отец меня бы выставил за дверь. Или всю ночь полоскал головой в унитазе, — ворчит подруга, прочитав сообщение моей мамы. — Ладно, поехали, у нас мало времени.

Почти год я успешно избегала компании Звягинцева. Сегодня моя победная серия закончится. Маша большей частью была занята своими отношениями, а Злата не так сильно близка с ним — это позволяло мне держаться максимально далеко от Артёма и оградить себя от почти любой информации о нем. Лишь обрывочные сведения достигали моего поля зрения, ничего конкретного.

А в конце лета Маша рассталась с Терновским. Причина банальна (и подруга больше злилась именно из-за этого). Измена Терновского не ввергла ее в пучину уныния и хандры. Видимо, Машка в конце концов перегорела. Она пострадала, конечно, пару недель. «Я как будто всё время ждала, что такое случится. И успела привыкнуть к этой мысли. Я вроде бы зла, но в то же время мне всё равно», — сказала Маша мне тогда в телефонную трубку, сидя на кухне квартиры Терновского. А в спальне в это время ее парень пыхтел над другой девушкой. Именно так она и сказала — пыхтел. И сама же долго смеялась над подобранным словом. Ее смех слышали изменщики. По словам Маши, ничего более нелепого и одновременно мерзкого в ее жизни не было.

Позже Злата много раз повторила: «Я же говорила, что она отойдет!»

А я не могла поверить и спрашивала, не врет ли Фомичёва нам.

— Я просто уже устала страдать из-за него, — сказала она мне тогда. — Уже ничего не чувствую. Даже у меня есть лимит унижений. И он подошел к концу.

А месяц назад ей написал Паша из Питера. Фомичева отказывается давать определение тому, что между ними происходит, но ее довольную морщину невозможно не заметить.

— Отношения на расстоянии? — заикнулась Злата.

— Нет! Это не отношения!

— А что?

— Ничего!

Да-да, только это «ничего» собирается приехать к ней после сессии. А так ничего, да.

Маша вернулась к самой себе и частично вернула прошлый образ жизни. И старых друзей, которым пришлось уйти на задний план, пока она занималась саморазрушением в отношениях с ветреным Терновским. А значит, вернулся и Звягинцев.

В конце концов отмазки, связанные с занятостью и работой, перестали производить впечатление на моих подруг. Сегодня мне пришлось согласиться прийти на вечеринку.

Волнуюсь ли я перед встречей? Утром казалось, что нет. А сейчас я уже не уверена. Злюсь на себя за свое равнодушие. Ему-то ведь наверняка всё равно. Почему я не могу до сих пор всё забыть? Почему не могу перегореть?

По традиции суечусь на кухне. Мне не сложно, да и помогает справиться с волнением. Но всё же вздрагиваю каждый раз, слыша звонок в дверь.

Отношу две тарелки с закусками ровно в тот момент, когда Маша открыла дверь Звягинцеву.

В — везение.

Где можно недорого почистить карму?

Я не останавливаюсь и иду в гостиную. Что сложного игнорировать людей? Это же легко, правда? Чувствую затылком внимание к своей персоне. Списываю на паранойю. Повторяю мантру под кодовым названием «Мне всё равно, я бесчувственный камушек». Медленно расставляю тарелки, проверяю салфетки и одноразовые стаканчики. Тяну время.

Сейчас он зайдет, заговорит с кем-нибудь. Ему будет не до меня. И я спокойно ретируюсь, не сталкиваясь лицом к лицу.

Но судьбе и Артёму плевать на мои желания и планы. Он подходит ко мне.

— Привет.

Мысленно умираю.

— Привет.

— Космический цвет.

Я по инерции провожу ладонью по волосам.

— Ага.

— Тебе идет.

— Спасибо.

Я не смотрю на него, но чувствую, что он смотрит только на меня.

— Пойду, у меня там дела...

Позорно сбегаю на кухню, он отпускает меня.

Но долго отсидеться у меня не получается. Злата утаскивает меня в «зону боевых действий».

— Заметила? — Кошелева передает мне бокал и шепчет на ухо.

— Что?

— Как на тебя смотрит Тёма?

— Как? — делаю максимально незаинтересованный вид.

— М-м, посмотри сама и реши, — ее лицо не выражает никаких эмоций, но мой подозрениометр зашкаливает. Злата слишком проникательна. Хотя редко показывает это.

— Ну мои волосы невозможно игнорировать.

Она усмехается.

— Точно, он сказал, что ты напоминаешь ему Джой из «Бегущего по лезвию».

Я закатываю глаза.

В тот вечер Артём еще два раза пытался поговорить, но нас всё время кто-то прерывал. И я им была бесконечно благодарна.

Или нет. Я сгорала от любопытства, что же он мог мне сказать? Лучше мне не знать этого. Извинится за свое трусливое поведение — что не нашел в себе сил даже расстаться нормально? Или сделал бы вид, что ничего не было?

Когда зевнула уже в пятый раз за минуту, поняла, что пора ехать домой. Нашла Машу залипающей в телефоне в прихожей.

— Прием-прием! — я помахала руками у нее перед лицом.

— Ой! — она подняла глаза на меня. Довольная улыбка сияла на лице, и я не смогла не улыбнуться тоже.

— Хочу воссоединиться со своим одеялом, мы слишком долго были в разлуке. Отпустишь?

— Еще так рано! Не можешь остаться? — она внимательно посмотрела на меня. — У тебя усталые глаза. Ладно, Лиса-Алиса, отпускаю тебя. Но сильно там с одеялком не усердствуй, ты только моя! Так и передай ему.

И только я вытащила из горы ботинок свои, как Маша выдала:

— О, Артём, ты еще не уехал? Подвезешь Алису?

Я замерла.

— Конечно. Спускайся сразу, когда будешь готова, — его тон был ровным, даже дружелюбным. Он правда готов довезти меня? Звягинцев быстро оделся и спустился. Я не сказала Маше и слова против. Кто откажется от комфортной машины в пользу холодного троллейбуса?

Но боюсь, что меня может ожидать тяжелый разговор. Для меня тяжелый. И неважно, в каком ключе он пойдет.

Получив на прощание порцию обнимашек, спустилась на улицу и, даже не выглядывая в темном дворе сине-фиолетовую «Мазду», напрямик отправилась к остановке — я выбираю троллейбус.

У выезда из двора меня нагнала та самая «Мазда» и остановилась. А я нет.

— Алиса!

— Я поеду на троллейбусе.

— Любишь троллейбусы?

— Обожаю! Хлебом не корми, дай покататься. Вырасту — куплю себе, обклею стразами и буду бесплатно возить старушек в поликлинику по утрам...

Все это время Артём медленно ехал рядом со мной, пока я не вышла на тротуар, а ему пришлось держаться своей дороги. На остановке никого не было, я сверилась с расписанием — последний троллейбус ушел восемь минут назад. Могла бы и догадаться! Краем глаза я увидела, что Артём остановился на парковке ближайшего магазина.

— Ты уверена, что еще хоть что-то ходит? — спросил он, выйдя из машины и остановившись рядом.

— Да, — судя по расписанию, еще будет пара маршруток.

— Холодно, поехали на машине.

Я оглядела Звягинцева — его куртка явно не рассчитана, чтобы в конце ноября ходить пешком.

— Мне тепло. А ты можешь ехать.

— И оставить тебя ночью одну на улице?

— Ты мне не мамочка.

— И слава богу.

— Вот уж точно!

Не знаю почему, но я начинала злиться. Его присутствие жутко нервировало и не давало расслабиться.

— Слушай, иди уже в машину. Я спокойно доеду на маршрутке.

— Слушай, иди уже в машину, и спокойно доедем на машине, — передразнил он меня.

— Как мне еще сказать, чтобы ты понял, что с тобой я не поеду?

— Почему?

— Можешь не косить под дебила, я не поверю. Оставь меня в покое.

— Это было грубо...

Его тон был ровным и немного насмешливым. И это злило еще больше. Я тут еле сдерживаюсь, чтобы не закатить истерику и не послать во все самые «прекрасные» места этого мира, а ему весело.

— Вот и оставь такую грубиянку и иди уже.

— Не могу тебя оставить...

Я уже хотела выпалить какое-нибудь не особенно цензурное слово, но замерла. Это прозвучало так... искренне. Будто Артём имел в виду нечто большее.

Ну уж нет, я не собираюсь расклеиваться от одной дурацкой фразы.

— Мы стоим уже 15 минут.

— И?

— И ни одной самой чахлой маршрутки не приехало.

— Скоро будет

— Не будет. Поехали уже, Алиса.

Этот день не мог закончиться хорошо, я знала. А ведь начинался неплохо.

Я размышляю еще несколько минут и понимаю, что, возможно, уже и правда никто не приедет. И я сдаюсь и молча иду к машине. Артём догоняет и открывает мне дверцу, а я фыркаю, давая понять, что меня такой ерундой не возьмешь.

Внутри еще осталось тепло, и я понимаю, что вообще-то замерзла. Звягинцев располагается за рулем и включает обогреватель.

— Я чуть там не окоченел! — он подставляет руки к потоку теплого воздуха.

— А по-моему чудесная погода, свежо и прохладно, — сварливо отвечаю. И Артём легко смеется. Я уже и забыла его смех. Внутри всё сжимается. Божечки-кошечки, скорее бы доехать и нырнуть в спасительные объятия кровати!

В колонках раздается так любимый им Lukhash, и мы в молчании доезжаем до моего дома.

— Поговорим? — спрашивает Артём, когда я отстегнула ремень безопасности.

Я вздыхаю. Нам и правда нужно разрешить эту ситуацию. Высказаться и прийти к решению, как вести себя. Это будет тяжело.

— Говори.

— Не сейчас.

— Когда?

— Завтра.

— Не могу, работаю.

— Заберу с работы.

— Я дома допоздна работаю.

— Когда можешь?

— Никогда. Я очень много работаю.

— Это немного долговато. Выдели мне время на неделе.

Я не смотрю на него, но чувствую, что он улыбается. Бесит, зараза такая! Бросаю ему «Посмотрим» и выхожу.

За 2 дня до следующей зимы

Звягинцев не объявляется четвертый день. Разочарована ли я? Вообще-то да. Почему-то мне казалось, что он будет настойчивее в своем желании поговорить. Ну что ж — опять в кусты? Еще один минус в карму, мистер Звягинцев.

Я задержалась в университетской библиотеке и сейчас спешила в пиццерию, ибо Маша уже три раза написала: «Где ты?», с каждым разом ставя всё больше вопросительных знаков.

Почему мое шестое чувство молчало, как рыба в пироге? За нашим постоянным столиком напротив Фомичёвой и Кошелевой сидел Звягинцев собственной персоной. Мне теперь от него не скрыться?

Иду, намереваясь сесть рядом с девочками, но эта зараза сразу замечает меня и встает, освобождая доступ к месту у окна. Будет слишком подозрительно, если я демонстративно проигнорирую его жест?

Протискиваюсь на свое любимое место попутно наступая парню на ногу. А он даже бровью не ведет.

Маша продолжает прерванный на приветствия разговор — жалуется на очередную поломку своей машины и рассказывает длинную драматическую историю ее общения с автосалоном. Я достаю конспекты и вопросы к экзаменам, которые уже выдала экономичка, — чтобы отметить то, что можно не искать в библиотеке. И вдруг ощущаю чужую ладонь у себя на коленке. Что за?! Посылаю лучи зла в сторону сидящего рядом парня, но ему, кажется, фиолетово. Пытаюсь стряхнуть его руку, но он схватил сильнее. Звягинцев, тебе жить надоело, что ли? Так сказал бы прямо!

Беру его ладонь и убираю со своей ноги. Но Артём тут же возвращает свою лапищу на место. О, если бы он мог ощутить, какая ярость сейчас течет по моим венам, собрал бы уже вещи, уехал в Кот-д'Ивуар и никогда бы не возвращался.

Пытаюсь спихнуть его руку, но не тут-то было.

— Что ты там делаешь? — недоуменно спрашивает Злата.

— Нич...

— Пристает ко мне, — как ни в чём ни бывало сообщает Звягинцев, перебивая меня. Я со всей силы пихаю его в бок, надеясь сломать парочку ребер.

— Что ты несешь? — мой голос пылает праведным гневом, поднимаю глаза и ловлю два заинтересованных взгляда. Вот это фейл. Вместо того чтобы пошутить или подыграть, я только привлекла внимание Кошелевой и Фомичёвой.

— Видите, вообще не может держать руки при себе, — подливает масла в огонь Артём.

Я теряю дар речи. В голове хаос — как из этого выпутаться? Девочки, не верьте, решите, что это шутка, пожалуйста!

— Боюсь, у меня нет выхода. Мари, дашь мне номер телефона Лисы?

Я только что умерла. Он назвал меня Лисой. И дал девчонкам столько пищи для размышлений.

— Не говори! — выпаливаю я.

— Почему? — Маша еле сдерживает улыбку.

— Я не хочу!

— Уверена?

Сейчас я взорвусь. Или разрыдаюсь. Или... не знаю. Мне так плохо и нечем дышать. Во

мне ураган эмоций. И щеки предательски горят. Я зла, растеряна и счастлива одновременно.

Кажется, я с силой толкаю стол и вылезая со своего места. Лишь на улице немного прихожу в себя. Шагаю в сторону работы, до смены еще много времени, но лучше мне посидеть в нашей каморке и прийти в себя. Моя реакция была чрезмерной. Маша теперь от меня не отстанет. Божечки, можно просто меня отключить от реальности и перемотать на пару недель вперед. Слишком много всего за эти несколько дней. И что с чертовым Звягинцевым? Почему он так себя ведет?

— Маша сказала, что у тебя скоро смена. Давай отвезу.

Снова он! Шагает рядом. Такой красивый, что я уже начинаю его ненавидеть. Не понимаю его поведения!

— Не надо.

Он берет меня за руку, в его ладони так тепло, что на долю секунду проскальзывает мысль не вырваться. Но поступаю наоборот.

— Что ты вытворяешь? Уже не стесняешься меня? — я не кричу, хотя безумно хочется. Но голос дрожит от гнева.

Мы останавливаемся.

— Я? Это ты чего вечно стеснялась или боялась! Мари и Злата ведь вообще не в курсе о нас?

— А что им было рассказывать? Что мы несколько раз потрахались и разбежались? Так себе тема для беседы!

Артём морщится и качает головой.

— По-твоему всё было именно так?

— А как?

Мы несколько секунд сверлим друг друга взглядами. Теперь уже и он разозлился. Но мне сейчас всё равно. Мы действительно по-разному видим то, что было. Для него всё проще. Я ведь всегда это знала.

Вечером я игнорировала сообщения и звонки девочек. Не знаю, что им сказать.

За 1 день до следующей зимы

Как вчера во мне бушевал шторм, так сегодня был полный штиль. Я не выспалась и не хотела ни о чём думать.

— Тебе всё равно от меня не скрыться! — сказала между парами Маша. — Даю тебе время до вечера. Будь мужиком и расскажи уже, что там у вас с Тёмой!

Что ж, я много раз прокручивала в голове, как рассказываю Маше всё. И каждый раз это звучало жалко и грязно. Но теперь выхода нет.

За работой я не заметила, как пролетел день.

И сюрприз-сюрприз — у дверей меня ожидала знакомая сине-фиолетовая машина. Машиных рук дело, я уверена. Вообще-то не думала, что после вчерашнего он захочет еще что-то выяснять.

Ладно, воспользуюсь ситуацией и с комфортом доеду до дома, хоть и придется заплатить очередным бессмысленным разговором.

— Поговорим спокойно, когда доедем? — спрашивает Артём, выделяя слово «спокойно», когда я усаживаюсь на пассажирское сиденье.

— Думаешь, это реально?

Он усмехается, хотя веселья в его улыбке ни одного миллиграмма.

По дороге я включаю музыку, ибо тишина между нами давила.

— Нервничаешь?

— Вот еще!

Он качает головой, давая понять, что не верит. Я отворачиваюсь, бездумно считая пролетающие дома за окном.

Артём некоторое время молчит после остановки недалеко от моего дома. Я его прекрасно понимаю, так как тоже хочу расставить все точки над «и», но не знаю, с чего начать.

— Начну с начала...

Артём произносит это, разворачиваясь ко мне. Мне не остается ничего другого, как отзеркалить его позу. Я прячу улыбку, так как его слова точно совпадают с ходом моих мыслей.

— Завязалось всё не лучшим образом... Ну для тебя, видимо. Мне-то было неплохо...

Я качаю головой и фыркаю.

— Кто бы сомневался. Не ты ведь чувствовал себя грязным использованным носком и не спал ночами, думая о последствиях.

— Во-первых... господи, почему носком? — он делает брови домиком и взмахивает руками, недоумение сквозит в каждом жесте.

— Не знаю... — почему-то именно эта аналогия пришла мне на ум. — Отстань вообще. Не об этом мы говорим, — я надуваю щеки, показывая, что не намереваюсь обсуждать носки.

— Хорошо, но ты ведь и сама была не против в ту ночь...

— Знаю, и от этого мне еще паршивее было.

— Да уж, всё сложно...

— Это точно. Пожалуй закончим на этом.

Он хватая меня за плечи разворачивает обратно, когда я уже хотела открыть дверцу.

— Вот уж нет, Лиса. Ты отсюда не выйдешь, пока всё мне не выскажешь. А я тебе. Я не понимаю, чего ты хотела и вообще зачем была со мной. В один момент казалось, что всё по-настоящему, ты была такой искренней, а потом ты выходила за порог и на людях вела, будто мы вообще никто. Я постоянно пытался понять, когда ты была настоящей!

Я почувствовала, как поменялась атмосфера. Сейчас Артём был серьезен.

— Могу сказать тебе то же самое. Я не знала, что я значила для тебя. И наше начало не добавляло уверенности. Ты тоже отстранялся, когда рядом была Маша. Я до сих пор не понимаю, что у тебя к ней? Она тебе нравится?

Звягинцев уставился на меня, будто я предложила ему отведать свежайших дождевых червей.

— Ты серьезно?

— Вообще-то да. Я видела, как ты на нее смотрел...

Он покачал головой.

— Мы с самого детства вместе, она мне вместо младшей сестры. В школе я даже слишком опекал ее, так что мы часто ругались из-за этого. Я до сих пор ловлю себя на мысли, что порой изображаю из себя ее папочку. Но я никогда не мог даже подумать рассматривать ее в качестве девушки.

Я вздыхаю. Его слова кажутся правдивыми. Но всё равно до конца не могу осознать, что могла так ошибаться.

— То есть ты была такой отстраненной из-за Мари?

Я силой проталкиваю из себя слова. Наверное, я никогда и ни с кем не была столь откровенна, как сейчас. И это так сложно. Страшно сказать слишком много и стать уязвимой.

— Да. В какой-то мере. Мне было страшно, что когда-нибудь ты всё прекратишь, и все будут с сочувствием похлопывать меня по плечу. Уж лучше пусть никто не знает.

Я замолкаю и отворачиваюсь, не в силах сейчас смотреть в его глаза. Но кожей ощущаю, что его взгляд по-прежнему прикован ко мне.

— Ну и в общем всё так и случилось. Столько раз хотела спросить — почему?

— Почему не спросила? Я думал, что если спросишь, то я очень сильно ошибся и хоть что-то значу для тебя.

Наши взгляды встречаются. В горле застревает ком от того, сколько эмоций сейчас в его голосе. Глаза начинает щипать, сжимаю пальцы и впиваюсь ногтями, чтобы удержать себя от таких не нужных сейчас слез.

— Я много раз собиралась, но всегда что-то мешало... Так почему ты в итоге свалил в закат? — последнее предложение заканчиваю, наверное, слишком резко. Но во мне сейчас столько непонимания, что не могу сдерживаться.

— Всё так же нелепо, как и у тебя... Я не мог понять, почему ты со мной: просто от нечего делать? Или... — он замолкает подбирая слова. — Сейчас трудно сформулировать, но тогда мне казалось всё вполне логичным, как бы цинично ни звучало. Одним из вариантов я предполагал деньги.

Меня будто придавило роялем из тех самых кустов.

— Что? Деньги? Ты правда так думал? Я разве хоть раз просила?

— Ты заставляла меня сомневаться в себе!

— Господи, но при чём тут деньги? В голове не укладывается! Или... — у меня начинают складываться детали пазла. Минимум несколько раз он был свидетелем моих

денежных трудностей, а в тот день я говорила... — Так ты про мошенников и кредиты?

— Это стало катализатором. Я планировал откровенно поговорить с тобой, но ты весь вечер рассказываешь про гребаные восемьсот тысяч!

— Да я же просто делилась переживаниями! У меня и мыслей таких не было. Вернее, были, конечно, всё это так давило, и я искала любые выходы. Но я бы никогда не попросила об этом!

— Как ни странно, но я знаю. Правда, понял это гораздо позже. Казалось, что уже ничего не поделаешь.

— Ну да, придумал себе что-то, ушел в закат, а потом стыдно было признать неправоту?

— Ну как-то так... — он грустно улыбается.

— Ну что ж, прекрасно, что мы всё выяснили. Мне стало легче. Наверное. Ну пока нет, но станет, — пока говорю, дергаю ручку, пытаюсь открыть дверь.

— Мы не закончили, Лиса, — мягко говорит он.

И я рискую и тоже называю его по имени:

— Закончили, Тёма, — и мне нравится, как звучит его имя. Я знаю, что он не просто так затеял этот разговор. И мне хочется верить, что мы действительно еще не закончили. Но прямо сейчас я не могу спокойно рассуждать. Мне хочется забиться в уголок и хорошо всё осмыслить. Бросаться в его объятия только из-за того, что он всё рассказал, я не собираюсь.

Распахиваю наконец эту чертову дверь и выпрыгиваю на морозный воздух.

— Тебе придется передумать, — почти смеясь, кидает мне вслед Артём.

— С чего бы?

— С того, что ты мне нравишься. А я тебе.

— Много возомнил!

Я с наслаждением захлопываю дверь, так что машина содрогается, и иду к подъезду.

Не учитываю только подтаявший днем и замерзший к вечеру снежный накат на дороге. Происходит пренеприятнейшее знакомство моего копчика, затылка и локтей со льдом.

— Святые пирожочки... — хриплю я от боли, даже не пытаюсь встать.

— Видишь, тебе нельзя от меня уходить, — на лету выдает Артём и присаживается рядом. — Ты как? — он приподнимает мою голову с обледенелого асфальта.

— Ты знаешь, тут неплохо, пожалуй полежу еще немного, чтобы в полной мере ощутить всю горизонтальность и твердость окружающего пространства.

Звягинцев смеется. Подхватывает меня и аккуратно ставит на ноги. А я, дезориентированная, заваливаюсь ему на грудь.

— Стоп, ну не здесь же, сначала ты должна на мне жениться!

Я смеюсь и тут же скрючиваюсь от боли.

— Поехали-ка в травмпункт.

— Да сейчас всё пройдет!

— А если сотрясение?

Я хмурюсь.

— Думаешь?

— Не знаю. Но твой полет был хоть и недолог, но фееричен. Забирайся в машину.

В травмпункте я немного жалею, что согласилась. В очереди передо мной пять человек, а парень со сломанной ключицей надолго застрял в кабинете.

Артём пододвигается ближе и шепчет, щекоча мне ухо:

— Не кисни, вот посмотри на ту оптимистичную женщину — вся в крови, а песни поет.

Я прыскаю и утыкаюсь ему в плечо. Женщина на другом конце холла действительно ужасно пьяна и тихонько напевает Лепса, перед этим во всеуслышание объявила, что кровь не ее, а ее «врагов» и мы можем не переживать за нее.

Позже скорая привозит девушку со сломанной рукой. И моя очередь сдвигается. Артём в очередной раз предлагает поискать какой-нибудь платный травмпункт.

— Мы зря тут час сидим? Скоро моя очередь!

— Так и скажи, что хочешь подольше побыть со мной.

— И когда ты успел стать таким самонадеянным?

Понимаю, что я тут надолго, и пишу маме и Маше, где я оказалась, успокаиваю, что всё не так страшно.

«Когда ты успела?» — спрашивает Фомичёва в нашем чате.

«Последний день ноября всегда как-то так себе проходит», — отвечаю и понимаю, что ровно год назад мы расстались с Артёмом.

«Тёма пишет, что может быть сотрясение! Он с тобой?»

— Ты написал Маше?

Он пожимает плечами и улыбается.

«Вряд ли, но проверим. И да, Звягинцев тут», — отвечаю на сообщение подруги.

«Он как-то причастен к твоему падению? — спрашивает Злата. — Если да, то может составлять завещание».

Я показываю Артёму пост.

— Я так-то спас тебя. Чувствуешь, в воздухе рыцарством запахло?

— Пока я чувствую только запах больницы, льцарь!

«Отчасти», — отвечаю, мстительно хихикая.

— Улыбочку! — Артём обхватывает меня за плечи, разворачивает и делает селфи.

— Эй!

Я тянусь, пытаюсь отобрать у него телефон, чтобы удалить фото, но он вскакивает, а вот мой больной копчик не дает мне аки ниндзя прыгнуть к нему и захватить врага. Звягинцев ухмыляется и ковыряется в мобильнике, стоя посередине холла, куда мне не добраться.

— Что ты там делаешь? — свирепо шепчу я, стараясь сильно не шуметь, хотя на нас и так все косятся, а окровавленная женщина затащила Серова «Я люблю тебя до слез». Звягинцев еле сдерживается, чтобы не начать кататься по полу.

— Господи, когда я успела попасть в психушку?

Пиликает мессенджер, и я получаю сообщение от незнакомого контакта. Во вложении файл — наше фото с Артёмом. Он соорудил такую милейшую мордашку, что хочется потыкать его в щечку, мое же лицо изображает испуг человека застуканного за ночным разграблением холодильника.

— Что за!..

— Правда мы милашки? — Тёма усаживается рядом приобнимает одной рукой за плечи и утыкается носом мне в щеку. Дыхание перехватывает — я так скучала по нему. Даже не понимала, насколько сильно. — Я скучал.

— Откуда у тебя мой номер?

— Догадайся.

— Предательница.

— Хороший друг, ты хотела сказать.

— Р-р-р!

— Я сказал ей, что мы встречаемся.

— Что?! — я натурально хотела придержать глаза, чтобы не выпали. — А ты не торопишь события?

— С тобой по-другому нельзя.

«Артём сказал, что мы встречаемся?» — пишу в чат.

«Нет. А вы встречаетесь? Поздравляю!»

— Вот ты врунишка!

— И что ты мне сделаешь?

— О, я придумаю, поверь.

— Ну накидай варианты.

«Наконец-то» — читаю сообщение от Златы.

— Что за... предательницы! — бессильно откидываюсь на спинку сиденья. Не могу до конца осознать абсурдность всего происходящего. Может, я до сих пор в обмороке валяюсь на дороге и всё это бред моего поврежденного сознания?

Звягинцев сидит с улыбкой Чеширского Кота

В итоге у меня оказались ушибы и легкое сотрясение. Мне выписали лекарства и сказали записаться к неврологу.

У дверей квартиры я вдруг предлагаю Артёму зайти на чай. И тут же готова сквозь землю провалиться. Я ведь еще даже не простила его и вообще хотела всё обдумать. Я не слбиралась так быстро сдаваться! В смысле вообще не планировала сдаваться!

Святые пирожочки, о чём я думаю? И чем?

— Считаешь, уже пора знакомиться с родителями?

Нет!

— Нет, это просто вежливость: я предлагаю, ты отказываешься, все счастливы.

— Но я хочу чай.

— Домой придешь и попьешь.

— Хочу сейчас.

— Уже очень поздно. Ты время видел?

— И ты хочешь ночью в бурю выгнать меня? Ты такая жестокая!

— По тебе МХАТ плачет.

В момент, когда открываю дверь в квартиру, в коридоре уже оказывается мама, с любопытством оглядывая нас обоих.

И что мне остается?

— Проходи. Мама, это Артём. Это Елена Михайловна, моя мама.

Надеюсь, это не будет самой большой ошибкой в моей жизни.

Я всегда думала, что знакомство с родителями будет одним из самых неловких моментов. Но почему-то всё проходит очень непринужденно. Папа был сдержан — я заметила, как он присматривался к гостю, но, слава богу, не задавал неудобных вопросов. Только Арина выскочила из комнаты в одной пижаме и поинтересовалась, не взяла ли я Артёма в заложники. Мама тут же отправила ее обратно спать.

— Проводишь меня? — спросил Артём, когда я планировала уже закрыть за ним дверь.

— Вот еще. Кто из нас мужчина?

— Я первый раз в этом подъезде, могу заблудиться. А тебя будет мучить совесть до конца твоих дней, что погубила меня во цвете лет.

— Сейчас нарисую карту.

— Так себе у тебя турфирма. Неси ответственность по условиям договора.

— И какие же были условия?

— Всегда быть рядом.

Я мучительно краснею. Этот его полушутливый тон и серьезный взгляд рвут мое сердце на куски. Если сейчас я захопну дверь, не смогу уснуть до утра, фантазируя, что могло бы случиться. Я вздыхаю, быстро сообщаю маме, что отойду, обуваюсь и выхожу в подъезд.

Мы спускаемся на один пролет. Господи, только малолетки зависают в подъездах, но сейчас, когда Тёма так пристально смотрит мне в глаза, мне всё равно. Мучительно медленно он склоняется ко мне, его лисья улыбка посылает электричество по натянутым нервам. Хочется, чтобы он прекратил меня мучить, и хочется, чтобы это никогда не заканчивалось.

— К черту, — бросает он и молниеносно сокращает расстояние между нашими губами.

Мы кусаем друг друга, зарываемся в волосы, гладим и сжимаем ладонями друг на друге любой доступный кусочек кожи. В животе всё скручивается, дыхания не хватает. Я теряю счет времени.

— Надо срочно остановиться, — тяжело шепчет Артём, и его рука замирает на моем животе возле пуговицы джинсов.

Я киваю и утыкаюсь ему плечо. Не хочу его отпускать, мозг лихорадочно ищет варианты.

— Твоему мозгу сегодня лучше хорошо отдохнуть.

Я кусаю Артёма за шею. А он меня за мочку уха.

— И что дальше? — задаю самый важный вопрос.

— Тебе придется ответить за сегодняшний вечер.

— Ого! И как же?

— Симметрично — познакомиться с родителями.

— Эй! — я стукаю его кулаком в живот. — Не думала, что ты такой злопамятный.

— Вообще-то я сама доброта, дам тебе целую неделю свыкнуться с этим.

— Это же он подвозил тебя несколько раз в том году? — спрашивает мама, когда я наконец возвращаюсь в квартиру. Она улыбается, Артём совершенно точно расположил ее к себе.

— Ты видела?

— Конечно. Вы встречались?

— Можно сказать, да.

— А сейчас?

— Похоже, да.

Мама потрепала меня по голове и пожелала спокойной ночи.

Какое уж тут спокойствие!

И ВНОВЬ ЗИМА

Лежу и пялюсь в потолок. Видела уведомления о сообщениях, но немного страшно проверить. Что, если там нет сообщения от того, от кого больше всего хочется?

А что, если есть?

— Хватит валяться! — проворчала Арина, заглянув в комнату.

Собираюсь с духом и проверяю мессенджеры.

«Утречко. Хотелось бы напомнить тебе на всякий случай, что мы встречаемся.

Понимаю, что ты в восторге, но хоть немножко держи себя в руках».

Вот засранец! Улыбаясь, как дурочка, набираю номер Артёма.

— Привет.

Слышу в трубке его голос и улыбаюсь, кажется, еще шире. Почему-то так странно себя ощущаю. Непривычно. До этого мы никогда не звонили друг другу.

— Кто из нас в большем восторге, еще нужно определить, — ехидничаю я.

— Ну то есть не отрицаешь, что в восторге?

Я смеюсь, ничего не могу поделать с собой. Арина снова заглядывает в комнату и ворчит, чтобы я собиралась.

— Надеюсь, не собираешься на радостях прогулять универ?

— Именно это я и планировала...

— Кто ж тебе разрешит. Я знаю волшебные слова, которые заставят тебя поехать в любую погоду, в любое время дня и ночи.

— Теряюсь в догадках... Мороженое, пицца и картоха?

— Картоха? — с сомнением произносит он.

— Не недооценивай силу картохи. Картошка — друг человека, королева еды, царица тарелок!

— Заметь, ты сама раскрыла свои слабые места... Но вообще я другие слова имел в виду: Мари тебя убьет.

Я прикрываю глаза, тут же понимая, что меня ждет допрос с пристрастием и применением различных подручных предметов.

— Это жестоко.

— Знаю. Поэтому придется тебя спасти.

«Вы реально встречаетесь?» — накарябала Маша в тетради вместо темы лекции. Я почти опоздала и надеялась, что Маша начнет пытку только после пары. Пожимаю плечами, но при этом лукаво улыбаюсь. Фомичёва дает мне спокойно пережить занятие, но после накидывается с вопросами.

— Правда? Правда-правда? Ну скажи, что правда!

— Видимо, да...

— Аллилуйя, я так давно об этом мечтала!

Я уставилась на подругу.

— О, ну вы же подходите друг другу, как Бонни и Клайд, как Злата и ее сливовая помада, как кетчуп и картошка фри...

— Кто сказал картошка?

Я подпрыгиваю от неожиданности, когда чувствую на плечах руки Артёма.

— Мари, так ты в курсе про картошку? Могла бы и раньше сказать!

Маша заливисто хохочет, я краснею, а Звягинцев как ни в чём ни бывало обнимает меня со спины.

— Мог бы и раньше спросить! — язвит Маша, но при этом выглядит безумно довольной, словно получила автомат по статистике. — Скрывались тут, как шпионы!

— Маня-я-яша! — тяну я, чувствуя вину.

— Да, Маня-я-яша! — вторит мне Звягинцев.

— Ну что Маня-я-яша? Даже не знаю, как будете вину искупать... — она вдруг закрывает глаза ладонью. — Ой, Тёма, не надо делать такие глаза, на меня не действует. Ладно, так и быть прошу, когда покажете, как целуются большие мальчики и девочки!

— Мари, да ты извращенка! — смеется Артём прямо у меня над ухом. Мне так уютно в его объятьях, что я, кажется, теряю нить разговора.

— Мне можно, я слишком долго вас шипперила. Порадуйте мамочку.

Я не успеваю сообразить, как ощущаю поцелуй на губах. Так неловко и странно делать это у всех на виду...

— Ну так себе, тренируйтесь побольше, потом пересдадите, — она подмигивает и разворачивается, собираясь уйти, — можете начинать тренировку прямо сейчас.

Позже я поведала Маше и Злате обо всём. Фомичёва даже искренне собиралась дуться на меня до окончания времен за мое молчание. Оглядываясь назад, я и сама не могу сказать, почему не рассказывала. Возможно, всё сложилось бы иначе. Кто знает.

— Ты не доверяешь нам? — с необычайной серьезностью спросила Злата.

— Доверяю, — честно ответила я. — Это привычка — держать всё в себе...

— Я бы хотела, чтобы теперь ты мне рассказывала всё. Ну почти, можно без интимных подробностей, — тихо произнесла Маша, отчего у меня мурашки побежали по телу.

Я подумала: мне бы тоже было горько узнать, что подруги скрывали от меня такую важную часть их жизни. Это нечестно. Я кивнула, надеюсь, что они поймут мою искренность.

— А теперь обнимашечки! — Маша взвизгнула и со всей силы обхватила меня и Злату, превращая наше серьезное собрание в извивающуюся кучку пищащих людей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net